Наталья Солнцева
романтический детектив
Сады Кассандры
Кольцо Гекаты

Наталья Солнцева

Кольцо Гекаты

Серия «Сады Кассандры», книга 2

Текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163659
Солнцева Н. Сады Кассандры. Кольцо Гекаты: Роман: Ред Фиш, Амфора; М.; 2005
ISBN 5-483-00072-2

Аннотация

Если вы уже прочитали первую часть детективно-мистической дилогии Натальи Солнцевой, значит, безнадежно заплутали в садах Кассандры. Выбраться оттуда вам поможет эта книга.

Минуло десять лет. Юрий и Анна возвращаются из-за границы в Санкт-Петербург. Господин Салахов подозревает, что его жена ведет двойную жизнь.

Он обращается за помощью к Артему Пономареву, который оставил службу в уголовном розыске и оказывает теперь частные услуги адвоката.

Неожиданно всплывает давно забытая история с серийными убийствами. Артем убеждается, что все гораздо сложнее, чем он мог предположить…

Тайна Анны и Юрия уходит корнями в далекое прошлое, связанное с языческим культом богини Гекаты…

Золотые нити грозной богини тянутся из античности в современный Петербург, опутывая своими сетями ничего не подозревающих персонажей. Но все разгадки уже рядом - исповедь маньяка-убийцы написана, луна зажигает колдовской блеск кольца Гекаты и «Восточный экспресс» готовится принять своих странных пассажиров…

Содержание

ГЛАВА 1 4
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 15
ГЛАВА 4 21
ГЛАВА 5 27
ГЛАВА 6 33
ГЛАВА 7 39
ГЛАВА 8 45
ГЛАВА 9 51
ГЛАВА 10 57
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Наталья Солнцева
КОЛЬЦО ГЕКАТЫ

Все события вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Ужели верно старое реченье
Из мира темного, что сами боги
Своих даров назад не в силах взять?
Алфред Теннисон

ГЛАВА 1

В прозрачной синеве воздуха носились лепестки черемухи, опускались на влажные с ночи тротуары, горько пахли…

Петербург, город-призрак, полный величия, славы и безумия, смотрел в бездонное небо глазами своих дворов-колодцев. Все так же шумели листвой его старые парки, неторопливо текла закованная в гранит Нева, и грозный медный император глядел вдаль… Что видел он там? Брезжащие в тумане очертания будущего? Или только спокойное течение облаков по зыбкому горизонту?

Старый тополь во дворе театрального дома почти засох, но жильцы жалели рубить его и спилили нижние сухие ветки сухих веток, так что дерево стало похоже на высоченный шест, едва покрытый скудной растительностью. Сам дом тоже преобразился. Его покрасили в нежно-зеленый цвет, и белые колонны весьма нарядно смотрелись в блеске северного солнца.

На исходе был май, благоухающий сиренью; по дворам цвели рябина и шиповник, тянулась к свету зеленая травка. Такую маленькую полянку, покрытую нежной порослью дикой ромашки, облюбовал Егор Фаворин для выгуливания своих персидских котов. Это была молодая пара, потомство Дианы. Животных звали Парис и Елена. Когда родились персидские котята, в театре у Фаворина как раз репетировали «Прекрасную Елену», и музыканту не пришлось долго выбирать имена.

– Парис! Парис! Куда ты лезешь? – увещевал Егор молодого котика, который рвался к голубям и воробышкам, натягивая поводок. – Задушишься! Вот глупый! Думаешь, тебе удастся поймать этих хитрых бестий? Ты еще слишком молод, неопытен…

– Да отпустите вы их, господин Фаворин, пусть побегают! – добродушно посоветовал вышедший из подъезда черноусый мужчина спортивного телосложения. – Это же кошки! Они свободу любят, а вы их на поводок!

Егор криво улыбнулся, ничего не ответил. «Иди, иди себе, вездесущий ниндзя! – подумал он про себя, провожая недобрым взглядом нового соседа. – Ишь, раскомандовался! Мордоворотами своими командуй!»

Ниндзей жильцы театрального дома прозвали Фарида Гордеева, который пару лет назад вернулся с Дальнего Востока и поселился в своей квартире на втором этаже, в той, где проживали студенты-арабы. Никто толком не знал, что он за человек, но все его побаивались. У господина Гордеева была сильная, развитая фигура, легкая пружинящая походка, жесткий взгляд и суровое выражение лица. Его можно было бы назвать красивым, если бы не скрытая в каждом движении неумолимая сила, которая настораживала и пугала людей.

Фариду Гордееву было сорок два года. Он родился в Петербурге, тогда еще Ленинграде, в семье ученых-востоковедов. Все его детство прошло в атмосфере культуры Японии, Китая и стран Дальнего и Ближнего Востока. Окончив школу, Фарид отслужил в армии, в Благовещенске. Там и остался. Плавал по Амуру, рыбачил, сплавлял лес, охотился, исколесил все побережье Охотского и Японского морей. Но, нужно было осесть где-нибудь, обзавестись домом. Родители звали сына в Питер, напоминали о необходимости учиться, устроиться на нормальную работу. Но перспектива жить в городе, в тесноте, среди каменных домов, асфальта и чахлой растительности, не привлекала молодого искателя приключений.

За годы жизни на Дальнем Востоке Фарид привык к вольным просторам, соленым морским ветрам и острому, пьянящему воздуху странствий. Во время путины он плавал на рыболовном судне «Хабаровск», а когда наступала зима, уезжал в район Сихотэ-Алиня, добывать пушнину. Денег у Фарида было достаточно. По совету своего друга, помощника капитана с «Хабаровска», он оставлял себе немного на жизнь, а остальное держал в банке Владивостока. Полные дичи, грибов и ягод леса, кишащие рыбой Амур и воды Японского моря кормили, давали заработок и удовлетворяли жажду путешествий и свободы. Там же, на «Хабаровске», плавала женщина-врач, с которой у Фарида был роман. Ее звали Надя, она была старше его на семь лет, но это Фариду даже нравилось. У них не было никаких обязательств друг перед другом, никаких совместных планов на будущее – просто близкие и теплые отношения, от встречи к встрече. Ни Надя, ни Фарид не спрашивали друг друга, кто был в их жизни во время долгих, по полгода и больше, разлук. Они сразу договорились – никакой ревности, только любовь, короткая или длинная – как получится, но чтобы в радость. Так и складывалось. Они были счастливы снова увидеться, но расставались без надрыва и печали. Каждый жил своей собственной, привычной жизнью. Сама природа, величественная и невозмутимо-прекрасная, плавное течение Амура, необозримые морские горизонты придавали жизни естественность и простоту, от которой давно отвыкли городские жители. Фарид забыл, что такое суета, торопливость, людская толчея, вечная гонка за удачей, которая ускользала, подобно туманному мареву над сопками.

Та зима, в которую все случилось, выдалась на редкость холодная, ветреная и снежная. Фарид отправился на охоту один, без напарника. Саня, его друг и помощник, слег с воспалением легких. Пришлось оставить его в небольшом селении, у деда с бабкой; они уговаривали остаться и Фарида.

– Негоже в такую погоду одному по лесу ходить!

Но Фарид их не послушал. Старик, кряхтя, помогал ему готовить лыжи, укладывать рюкзак и все ворчал, что молодежь нынче неуважительная пошла, самовольная и упрямая, а это к добру не приводит. Он вышел провожать Фарида и долго смотрел вслед лыжнику, вздыхая и молясь лесным духам, чтобы подсобили молодому охотнику. Но, видно, не дошли эти молитвы по назначению…

Занесенный снегом овраг обманчиво казался надежным, и Фарид, придя в себя после падения, никак не мог сообразить, как случилось, что он провалился вниз, ушибся и сломал лыжу. Сколько он пролежал без сознания, замерзая? Пытаясь выбраться, охотник обнаружил, что пострадала еще и правая нога. Время шло к ночи, начиналась метель. Фарид успел два раза выстрелить из ружья, прежде чем снова потерял сознание.

Видимо, его жизни не суждено было прерваться, потому что громкий собачий лай, а затем крики хозяина, звавшего собаку, пробудили Фарида от тяжелого забытья. Над ним метнулся свет фонаря, склонилось скуластое морщинистое лицо с глазами-щелочками, и это было последним, что увидел Гордеев в ту страшную ночь.

Старика-японца, который нашел раненого охотника и притащил его в свой дом, звали Накаяма. Он жил отшельником в заброшенном поселке вместе с внучкой, миловидной

девушкой по имени Йоко – тоненькая, как тростинка, с нежной кожей и блестящими влажными глазами.

– Что со мной? Где я? – спросил Фарид пересохшими от жара губами, когда открыл глаза и увидел слабый свет керосиновой лампы, деревянный потолок из грубых, необструганных балок и юное лицо Йоко, смотревшее на него с состраданием и печалью.

Оказалось, что у Фарида сложный перелом ноги, много ушибов и сильная простуда. Хорошо, что дедушка Йоко отлично разбирался в таких вещах – он аккуратно и очень профессионально сложил кости бедра, приладил к ноге деревянную дощечку и забинтовал. От простуды Фариду давали густой, пахнущий брусничными листьями отвар.

Когда немного полегчало, старик устроил молодому охотнику баню. В круглую деревянную бочку налили горячей воды, набросали хвойных веток. Накаяма выглядел очень старым и невероятно тщедушным, но это было обманчивое впечатление. Он смог подтащить Фарида к бочке и распарить его как следует, приговаривая, что болезнь смывать надо, иначе она снова через кожу проникнет внутрь.

На вопросы молодого человека, почему японцы живут в лесу, в полном одиночестве, ни старик, ни его внучка предпочитали не отвечать. Они вежливо улыбались, кивали головами и… молчали.

Через некоторое время Фарид смог самостоятельно вставать и передвигаться по комнате. Дом, в котором жили Накаяма и Йоко, состоял из нескольких комнат; в одной был сложен большой каменный очаг. Спали, по японскому обычаю, а на низких деревянных топчанах, покрытых лоскутными и меховыми одеялами. Судя по шкурам медведей и амурского тигра, Накаяма был искусным охотником.

– Старый тигр был, больной, – объяснял старик, поглаживая роскошную полосатую шкуру. – Хотел умереть. Я ему помог. Природу понимать надо… она мудрее нас. Человек со своим умом, как с диковинной игрушкой, обращаться не умеет, а туда же – думает, что он царь! Чтобы быть царем, одного ума мало. Нужно еще кое-что…

Фариду понравились разговоры с Накаямой длинными вечерами, когда от очага шел жар, а за деревянными стенами завывала метель.

– Тебе двигаться надо, тело закалять, – однажды, без всякой связи, заявил старик. – Слабое оно у тебя, хилое. Мужчине таким быть не годится!

С этого дня Накаяма начал будить Фарида ни свет ни заря, вытаскивать из дому на мороз и заставлять выполнять всякие невероятные упражнения. Тренировки усложнялись от занятия к занятию, молодой человек выдыхался, валился с ног, а японец был бодр и неутомим, как двадцатилетний юноша.

Однажды Накаяма подошел к ложу гостя с палкой в руках. Принял изящную боевую стойку и начал выделывать такие чудеса, что у Фарида глаза на лоб полезли.

– *Дзёдо!* – сказал старик. – Хочешь научиться?

Обучаясь у Накаямы различным техникам ближнего боя, Фарид забыл о времени и своих болезнях. Зерна упали на благодатную почву: Гордеев и раньше увлекался восточными боевыми искусствами, но бессистемно, всем понемногу. Хотя тренеры хвалили его, сам он был не особенно доволен своими достижениями. Накаяма сразу уловил, что из парня выйдет толк. Японец, казалось, был счастлив, неожиданно заполучив способного ученика.

– Я уже думал, что мое умение умрет вместе со мной. Бог милостив! Он не допустил этого!

Накаяма обучил молодого охотника различным техникам – *иаидо, дзёдо, кендо* и многим другим, подробно заставляя ученика постигать не столько приемы, сколько философию каждого из этих видов боевых искусств.

– Искусство уничтожения врага должно уступить место искусству воспитания духа воина, – говорил старый японец. – Чтобы убить человека, не нужно быть мастером, им нужно

быть, чтобы в неимоверных условиях сохранить человеку жизнь. Стремись к достижению совершенной гармонии меча, духа и тела, выходи за пределы личного, сиюминутного, и ты познаешь тайны вселенной…

Фарид окреп, выздоровел; он неуловимо изменился: не только его тело, но и, в первую очередь, его сознание стало другим. Весной, когда сошли талые воды, он вышел из домика Накаямы совершенно иным человеком, чем тот, некогда отправился на охоту, упал в овраг и сломал ногу. Прогуливаясь по лесу, вдыхая сладкие, густые запахи просыпающейся природы, он увидел Йоко, которая спускалась к ручью, чтобы набрать воды. Фарид с удивлением ощутил, как внутри него медленно разгорается забытое желание…

Силы возвращались медленно. Кости срослись, но о том, чтобы дойти до ближайшего селения, где есть вездеход или, на крайний случай, лошадь с санями, не могло быть и речи.

Фарид начал оказывать Йоко знаки внимания. Старик-японец то ли не замечал этого, то ли предпочитал не вмешиваться. Молодая японка была нежна и застенчива, ее щеки то и дело заливал румянец смущения. Ее движения, грациозные и легкие, сводили Фарида с ума. Он не выдерживал и выходил из дома во двор, дышал воздухом, насыщенным хвоей и испарениями весенней земли, старался не думать о красивом, чувственном теле Йоко.

Два раза в неделю Накаяма уходил в лес, подстрелить дичь, проверить силки и капканы. У гостя проснулся здоровый аппетит, и он нуждался в полноценной, обильной пище. Соленая рыба, копченое мясо и сухие грибы надоели, хотелось чего-нибудь свеженького, только что приготовленного на горячих углях. Йоко собирала молодые травы, добавляла их в еду; гость нередко отправлялся вместе с ней в лес, помогал нести широкую плетеную корзину, выкапывать целебные корешки.

В один из солнечных весенних дней, когда старик ушел на охоту, между Фаридом и Йоко произошло то, что рано или поздно случается со всеми влюбленными. Утомленные страстью и долгими ласками, они забыли об осторожности, уснули и не заметили, как вернулся Накаяма, нагруженный дичью.

Когда Фарид вышел на порог, он увидел старого японца, который невозмутимо ощипывал птицу, сидя на корточках. У молодого человека перехватило дыхание, кровь бросилась в голову. В сознании металась одна-единственная мысль – видел или не видел? Конечно видел! Если пришел недавно, то застал их спящими на одной постели.

– Ты почти здоров! – сказал Накаяма, поднимая узкие глаза на гостя. – Скоро сможешь уйти от нас.

Фарид растерянно молчал.

– Что молчишь? Разве нога еще болит?

– Нет, но… долго идти я не смогу.

– Через месяц сможешь! Тебе надо больше гулять, разрабатывать мышцы: они плохо работают, потому что долго были неподвижны. А кость срослась хорошо.

Их жизнь втроем потекла по-прежнему, но только внешне. Накаяма так же занимался с Фаридом тренировками, ходил на охоту, и, когда Йоко и молодой человек оставались одни, они продолжали любить друг друга. Накаяма переживал случившееся внутри себя, как подобает воину. И, хотя вроде бы ничего не изменилось, в сердце каждого поселились тревога и ожидание.

Однажды, в не очень погожий день, когда Йоко занималась своими делами во дворе, под деревянным навесом, старик сел рядом с Фаридом и сказал:

– Ты должен жениться на Йоко.

Молодой человек молча кивнул. Конечно. Разве может быть по-другому?

– Ты любишь ее? – спросил Накаяма.

В его голосе звучали нотки сомнения.

Фарид удивился. Он не задавался таким вопросом. Йоко была молода, красива, и ее темперамент, пробивающийся сквозь девичью стыдливость, необыкновенно возбуждал его. Но любовь… это, наверное, что-то другое, гораздо большее. Молодой человек знал, что наступит время, и он уйдет отсюда, вернется к своей обычной жизни. Мысли о Йоко – что будет с ней? поедет она с ним или останется? – просто не приходили ему в голову. Так же ни разу за все пребывание в домике Накаямы ему не пришла в голову мысль о Наде. Но Надя была зрелой, опытной женщиной, она знала, что делала, а у Йоко он оказался первым мужчиной. Поэтому старик имел право говорить о женитьбе.

– Ты любишь ее? – повторил старик.

Молчание гостя ему не нравилось. Он обожал внучку, вырастил ее с младенчества и желал ей счастья. Родители Йоко погибли, девочка чудом осталась жива, и Накаяма вынужден был скрываться вместе с ней. Он даже не смог отомстить убийцам сына и невестки: маленький ребенок лишил его этой возможности. Йоко выросла, расцвела, как майский цветок; она была достойна любви, и никто не смел портить ей жизнь. Этот непрошеный гость украл ее сердце, и теперь пусть женится. Почему он молчит?

– Я согласен жениться, – едва слышно ответил, наконец, Фарид. – Сделаю все, как вы скажете, учитель.

– Сделаешь, как я скажу? – с недоброй улыбкой переспросил Накаяма, и Фариду показалось, что в его глазах-щелочках полыхнула молния. – Йоко моя внучка. Она красивая, умная девушка и не нуждается в одолжении такого молодца, как ты. О чем ты думал, ложась с нею? Не увиливай! Я не этому учил тебя. Если делаешь что-то, умей отвечать за свои поступки. Я тебя спросил: ты любишь ее?

– Нет, – мучительно краснея, выдавил Фарид. – Но… она мне нравится. Я буду рад иметь такую жену, как Йоко, и никогда не обижу ее.

– Этого я не допущу! – процедил сквозь зубы старый японец, и молодой человек вздрогнул от ненависти, что прозвучала в его голосе. – Честь Йоко и моя необыкновенно дороги. Тебе этого не понять! Ты чужой для нас. Чужой… Но дороже чести – счастье моей внучки. Она мало видела людей, особенно мужчин. Только поэтому тебе удалось соблазнить ее. Так что не обольщайся на свой счет. Это ее ошибка. Йоко молода и успеет все исправить. Она выйдет замуж за мужчину, который полюбит ее.

Фарид хотел возразить старику, как-то оправдаться, но слова застряли у него в горле. Накаяма заметил его неуклюжую попытку и усмехнулся.

– Не суетись, парень, – тяжело, как будто каждое слово было громоздким камнем, произнес он. – После этого разговора я должен убить тебя, чтобы защитить свою честь. И если ты завтра же не уйдешь, я так и сделаю. Уходи от нас! Навсегда. Уезжай отсюда как можно дальше, иначе я за себя не ручаюсь! Сегодня я не хочу огорчать Йоко твоей смертью. Но завтра… голос крови моих предков-самураев может оказаться сильнее рассудка. И тогда тебе конец. На этом побережье ты от меня не скроешься. Если я увижу слезы на личике внучки, то найду тебя и прикончу! Уезжай.

Так, нежданно-негаданно, судьба распорядилась сама. С большим трудом, то и дело останавливаясь, Фарид добрался до поселка охотников, передохнул и отправился во Владивосток. Уладив дело с переводом денег в Питер, Гордеев написал капитану «Хабаровска», что увольняется и срочно уезжает домой по семейным обстоятельствам. Он понимал – старик шутить не будет, и своей жизнью Фарид обязан Йоко, ее чувствам к нему. Уже из владивостокского аэропорта он послал прощальное письмо Наде.

Родители, вне себя от радости, встречали его с цветами. В Петербурге вовсю цвела сирень, по Неве плавали нарядные белые катера. У Фарида Гордеева, тридцатилетнего холостого мужчины, началась новая жизнь. Повидавшись с отцом и матерью, он уехал в Карелию, к другу, который давно звал в гости. Возвращаться в Питер не хотелось, и Фарид остался

в поселке: работал лесорубом, сторожем, кем попало. Потом это ему надоело, и он махнул на Кольский полуостров. Холодные воды Баренцева моря наводили тоску. Несколько лет прошло, как вязкий нескончаемый сон. Из Петербурга пришла телеграмма: мама сообщала о смерти отца. И Фарид Гордеев очнулся. Он собрал нехитрые пожитки и поехал домой, теперь уже надолго.

Не без помощи денег, которые он перевел из Владивостока, родители устроили ему квартиру в театральном доме. Пока сын отсутствовал, они сдавали жилье иностранным студентам. Фарид сперва решил пожить с матерью. Полгода сидел без работы, а потом занялся частным предпринимательством – открыл ориенталистский клуб, больше похожий на секцию восточных единоборств. Никаких официальных титулов у Гордеева не было, но зато навыки и техника оказались безукоризненными. Накаяма поработал на славу, и у Фарида один за другим стали появляться клиенты. Острая необходимость в деньгах отпала, и он решил заняться устройством личной жизни. Когда освободилась его квартира, он сделал в ней ремонт, привез кое-какую мебель и переехал. Так в театральном доме появился новый жилец.

Первым, с кем он познакомился, был Николай Эдер, сын Берты Михайловны, умершей пару лет назад. Николаю было тоскливо одному, и он с удовольствием коротал вечера у соседа. Гордеев тоже был холост, но совершенно не расстраивался по этому поводу, в отличие от Николая. Он любил расспрашивать о соседях, постепенно входя в курс дела, кто чем дышит. Особенно его заинтересовала пустующая квартира напротив.

– Там раньше жил старик Альшванг, режиссер, – объяснял Николай. – Он подарил квартиру Лизе, своей ученице, и они жили тут с матерью. А потом Лиза попала под машину, ну и… Анна Григорьевна не могла жить здесь, где все напоминало ей о дочери, и квартиру пришлось продать. Ее купила какая-то женщина. Но жить не стала – приходила, уходила. А через год уехала, и по сей день! Ключи вот только мне оставила, велела присматривать…

– Сколько квартира уже пустует? – поинтересовался Фарид.

– Лет девять.

– Ничего себе! – присвистнул новый сосед. – А большая там площадь?

– Огромная. В два раза больше, чем у нас. Гостиная одна – хоть в футбол играй! Но только…

– Что?

– Я ее понимаю, женщину эту! – Николай понизил голос. – В такой квартире долго не проживешь.

– Почему?

– Там… привидение! – выпалил Николай и покраснел. – Страшно очень…

Хохот Фарида был слышен по всему дому. В привидения Гордеев не верил.

ГЛАВА 2

Соня, бывшая невеста капитана милиции Артема Пономарева, оказалась права – цыганка Динара приворожила сыщика. Во всяком случае, он совершенно потерял из-за нее голову. Несмотря на то что она была подозреваемой в деле, которое он расследовал, Артем бегал за ней по пятам, окружал вниманием и заботой, целовал и обнимал чуть ли не на глазах у всех и в конце концов решил на ней жениться. Как ни странно, госпожа Чиляева согласилась. Они расписались без шума и суеты, и сыщик переехал в квартиру жены, не дожидаясь окончания дела «маньяка». Это стоило Пономареву работы. Из уголовного розыска пришлось уйти.

Нельзя сказать, чтобы Артем очень жалел о случившемся. У него было высшее юридическое образование, кое-какие сбережения, машина и красавица-жена, в которой он души не чаял. Подозрения по поводу Динары, о ее причастности к убийствам нескольких женщин, в том числе ее соседки и подруги Изабеллы Юрьевны Буланиной, так и остались подозрениями. Доказательств никаких не предъявили, да их и не оказалось – так, одни предположения. Артем и Динара постепенно успокоились и зажили в свое удовольствие.

Узнав о том, что Динара вышла замуж, супруги Ратцель приехали из Израиля, привезли молодым подарки и кредитную карточку, с приличной суммой на счете. Таким образом у Артема появилась возможность не торопиться и подумать, чем ему хотелось бы заняться. Обстоятельства сложились так, что они оба оказались без работы: Артема уволили, а Дина Лазаревна наотрез отказалась от своего ремесла ясновидящей. Она больше слышать ничего не хотела о картах, предсказаниях, ворожбе и прочих магических штучках.

– А не открыть ли нам с тобой частную адвокатскую контору? – сказал однажды за ужином бывший сыщик.

– Ты шутишь? – удивилась бывшая гадалка. – Как ты себе это представляешь? Мент и ясновидящая оказывают адвокатские услуги!

– Почему нет? – не сдавался Артем. – Во-первых, я не простой мент, а образованный! Самую малость переквалифицироваться, и дело в шляпе.

– А я?

– Тебе придется учиться. Заочно. Я буду помогать.

– Боже мой! – застонала Динара. – Опять учиться!

– Дорогая, не так страшен черт… Вдвоем мы с этим справимся, вот увидишь.

Через год Артем уже арендовал офис, небольшой, но уютный. Поначалу клиентов было мало, но их число постепенно росло. Динара поступила на заочное отделение юрфака и по совместительству работала у Пономарева секретарем.

Дела в адвокатской конторе шли все лучше и лучше. Кроме консультаций и юридической помощи, некоторым клиентам Артем оказывал услуги, связанные с частным сыском. Репутация отличного профессионала сослужила ему хорошую службу. Честно говоря, работа детектива привлекала его гораздо больше, чем юридическая рутина. Она давала не только деньги, а, в первую очередь, остроту ощущений и возможность достойно применить свой ум. Господин Пономарев брался только за те дела, которые могли заинтересовать его, дать пищу для анализа и размышлений.

Динара оказалась отличной помощницей. Она была отнюдь не чужда авантюрных наклонностей и прекрасно дополняла своего супруга. Их доходы росли, клиентура увеличивалась, а любовь друг к другу не угасала. Перед самой защитой диплома Динара родила супругу близнецов – мальчика и девочку.

– Учти, пожалуйста, – строго сказала она Артему, когда он привез ее с детьми домой, – тебе не удастся привязать меня к горшкам и пеленкам! Ищи няню.

Поиски подходящей воспитательницы для Марка и Марты, как назвали близнецов, заняли два месяца. Когда няня вошла в курс дела и дети привыкли к ней, Динара взялась за диплом, защитилась и вышла на работу. На дверях офиса ее встретила табличка: «Адвокатская контора. Пономарев А. М., Чиляева Д. Л.». Супруг ждал ее с букетом цветов и шампанским. Они устроили настоящий праздник. Динара чувствовала себя счастливой и как возлюбленная, и как жена, и как мать, и как коллега. Ее жизнь стала такой полной, что едва не переливалась через край!

Близнецы росли здоровыми и жизнерадостными; энергия била из них ключом, а изобретательность по части разных пакостей переходила всякие границы. Няня по совместительству, домработница Зоя Петровна выбивалась из сил и теряла терпение, а Динара с Артемом вздыхали с облегчением, закрывая за собой дверь квартиры и отправляясь на работу. Они засиживались в офисе допоздна, объясняя это большим количеством клиентов. Отчасти так и было, но только отчасти. После длинного и хлопотного трудового дня супруги ехали в свое любимое кафе с видом на Неву, ужинали и с неохотой возвращались домой, где их с порога встречали либо душераздирающий рев Марка и Марты, либо жалобы Зои Петровны.

Все шло своим чередом. Дети подрастали, адвокатская контора процветала, а любовь Артема и Динары оставалась такой же волнующей, как раньше. Их все так же тянуло друг к другу, может быть, даже сильнее, чем в первые годы. Ей исполнилось тридцать девять, ему – сорок три, близнецам – пять. С каждым годом Марк и Марта становились все прелестнее – и все несноснее. А в общем, дети были смышленые, веселые и доставляли родителям не только беспокойство, но и массу приятных минут.

Ранняя, бурная весна сменилась дождливым летом. В один из особенно сырых и пасмурных дней Артем отправился на работу один. Близнецы болели и страшно капризничали, поэтому Дина Лазаревна решила остаться дома. Пока он ехал, пошел дождь, который все усиливался, и господин Пономарев изрядно промок, перебегая от места парковки до дверей офиса. Зонт он, как всегда, оставил дома.

В приемной сидела женщина лет тридцати, очень расстроенная!

– Это к вам, Артем Михайлович, – кивнула в ее сторону секретарша, как будто эта дама могла прийти еще к кому-то.

Женщина испуганно подняла на Артема заплаканные глаза.

– Прошу! – он пригласил посетительницу в свой кабинет.

Клиентка была такой робкой и нерешительной, что адвокат предпочел сесть в кресло рядом с ней, вместо того, чтобы занять место за своим столом.

– Я вас слушаю, – как можно мягче и приветливее сказал он.

– М-меня зовут Галя… Галина Павловна.

– Артем Михайлович. Так чем могу быть полезен?

– Я… мне посоветовала к вам обратиться одна знакомая. Мы вместе работаем. Она сказала, что вы можете мне помочь… если захотите, конечно. У меня не очень много денег, но… думаю, хватит, чтобы заплатить за ваши услуги.

– Простите за нескромность… Как зовут вашу знакомую?

– Людмила. Людмила Станиславовна Авдеева. Она сказала, что вы ее сосед и очень хороший сыщик.

– Бывший сыщик, – уточнил Артем.

– Это неважно… Видите ли, мое дело не совсем обычное. То есть у меня нет никаких конкретных доказательств. Я ничем не могу подтвердить свои слова, поэтому… никто не станет меня слушать. А Людмила сказала, что вы хороший человек.

– Глупо было бы с моей стороны опровергать такое мнение! – улыбнулся Артем.

Женщина вызывала у него симпатию. Она сидела в кресле очень прямо, сжав коленки, и теребила ремешок сумочки.

– Говорите смело, что вас беспокоит, Галина Павловна, – подбодрил ее Пономарев. – И не заботьтесь о том, как это выглядит. Поверьте, что я ко всему привык.

– Вы подумаете, что у меня больное воображение, или… Впрочем, какая разница. Раз я уже пришла… – Она глубоко вздохнула и посмотрела на большие часы над столом. – Не буду зря отнимать у вас время. Дело в том… что я боюсь! Прямо как в фильме про Шерлока Холмса. Помните?

Артем терпеливо кивнул.

– Может быть, со стороны это и смешно, только мне не до шуток!

– Понимаю вас, Галина Павловна. Продолжайте, пожалуйста.

– Я… боюсь одного человека. Он хочет меня убить!

– Откуда вы знаете?

– Чувствую! У меня интуиция…

Артем не выдержал и улыбнулся.

– Вот видите? Вы смеетесь! А я перестала спать по ночам.

– Простите.

– Не извиняйтесь, – вздохнула посетительница. – На вашем месте любой бы смеялся. Поэтому я никому и не говорю. Даже Людмила Станиславовна не знает, по какому вопросу я к вам обращаюсь. Я ей сказала только, что у меня неразрешимая проблема, и мне нужен совет опытного адвоката.

– А почему вы решили, что этот человек собирается вас убить? Вы можете назвать его имя? Кто он такой?

– Нет, – она покачала головой. – Я не могу назвать его. Ведь все, что я думаю, – только предположения, догадки.

– Хорошо. Но что же требуется от меня?

– Дайте мне совет, как себя вести, чтобы… этого не произошло.

Артем задумался. От него хотели услышать совет, неизвестно, о чем.

– Послушайте, Галина Павловна, – осторожно начал он, переводя взгляд на женщину. – Вы должны хоть что-то мне рассказать. Где находится этот человек? Каким образом он вам угрожает? А главное, по какой причине?

– Я не знаю.

Господин Пономарев вздохнул.

– Так я не смогу вам помочь.

– Но я действительно не знаю! – воскликнула посетительница. – Он… мы работаем в одной фирме.

– Вы имеете в виду «Альбион»?

Она кивнула.

– Конечно. Этот человек следит за мной.

– Каким образом?

– Ну… он все время смотрит на меня, а когда я ловлю его взгляд, отводит глаза. Однажды я допоздна задержалась в офисе. На улице было темно и пустынно. Я пошла пешком, и через некоторое время услышала, что за мной едет машина. Она медленно двигалась с потушенными фарами. Я узнала машину этого человека. Не знаю почему, мне стало так страшно! Я сразу побежала по дороге и стала ловить такси.

– Может быть, он просто ухаживает за вами? – предположил Артем. – С мужчинами это бывает. Робость, боязнь получить отказ… из-за подобных комплексов они делают множество глупостей.

– Нет, что вы! – горячо возразила посетительница. – Этот мужчина совсем другой. Он пользуется успехом у женщин, и вообще… он достаточно уверен в себе. Это мне и показалось странным!

– Как давно вы работаете в «Альбионе»?

– Пять лет.

– И все это время он следит за вами?

– Нет. Это началось полгода назад. У нас в офисе была вечеринка – день рождения сотрудницы. Я помогала ей убирать, мыть посуду, когда все уже ушли. Она пошла в туалет, а я одевалась. В холле было темно. И вдруг… от стены отделилась тень и двинулась прямо ко мне. Я ничего не могла понять и от страха буквально приросла к месту. И тут моя приятельница вышла из туалета, и свет упал на того, кто был в холле. Это оказался… тот человек, о котором я говорю вам. У него в руках был шарф, приготовленный, чтобы накинуть его мне на шею. Не знаю, почему я так подумала. Но он собирался сделать именно это! Он не ожидал, что в офисе есть кто-то еще.

– Интересно… И как он повел себя?

– Он? Никак… Улыбнулся и сделал вид, что надевает шарф. Сказал, будто пришел помочь нам закрыть двери и включить сигнализацию.

– А ваша приятельница? Она что-нибудь заметила?

Галина Павловна отрицательно покачала головой.

– Думаю, нет. И я ей тоже ничего не сказала. Вдруг мне это только кажется?

Артем целый день думал о том, что ему рассказала Галина Павловна. Он делал свою обычную работу, но как-то рассеянно. Отчего-то визит Галины Павловны напомнил ему историю, на которой он давно поставил крест.

Бородатое, ухмыляющееся лицо господина Вольфа встало перед ним, как живое. Злобные проделки мага попортили тогда Пономареву много крови. Беспрестанный стук по потолку, какие-то вороны, гусеницы, которые то ли были, то ли почудились ему под воздействием «колдовства»…

С каким удовольствием Артем выполнил просьбу Динары и накостылял Вольфу! Это оказалось совсем нетрудно. Не привыкший к подобным вещам, Карл Фридрихович растерялся и по-настоящему струсил. Драться он не умел, и пара крепких затрещин от неизвестного человека в маске, подкараулившего его у собственного подъезда, привели Вольфа в ужас. Второго предупреждения не потребовалось. Господин маг решил, что ему пора сменить северную столицу на Москву-матушку.

Артем время от времени наводил справки. Было похоже, что Вольф осел в Москве и возвращаться в сырой туманный Петербург не намеревался.

Убийства женщин прекратились, но никто не связывал это с отъездом Вольфа. Динара оказалась права – маньяк ушел из жизни, оставив в назидание потомкам свою исповедь, так что к гибели Вероники Лебедевой, Авроры Городецкой и Изабеллы Буланиной маг действительно не имел отношения.

По случаю, записки серийного убийцы попали Пономареву в руки. Отец прекрасной Авроры мог быть спокоен: человек, лишивший жизни его дочь, умер. А господин Пономарев выполнил свой долг перед отцом девушки и честно отработал деньги, которые платил ему Евгений Николаевич.

Почему же эта история снова всплыла в связи с жалобами Галины Павловны?

Звонок телефона прервал размышления Артема.

– Когда ты приедешь домой? – устало спрашивала Динара. – Эти хулиганы меня замучили! Устроили на кухне вигвам и взялись разводить в нем огонь! Представляешь? Хорошо, что я вовремя услышала запах паленого верблюда.

– Какого верблюда?

– Они сделали вигвам из верблюжьего одеяла!

Господин Пономарев засмеялся, чем сильно разозлил супругу.

– Завтра сам с ними останешься! – сердито сказала она. – Поводов для веселья будет хоть отбавляй!

– По-моему, они болеют, и им положено лежать в постели.

– Вот приедешь и уложишь эту сладкую парочку! Жду не дождусь.

– Хорошо. – Артем посмотрел на часы – семь с минутами. – Я еду. Что-нибудь купить?

– Молоко, кефир, хлеб, готовые биточки и шоколадные вафли для детей. И будь добр, поторопись!

– Лечу!

Пономарев действительно спешил. Он заехал в гастроном; уже собираясь к выходу, решил купить фруктов и бутылку сухого вина.

– По какому случаю будем пить? – поинтересовалась жена, когда он ввалился в квартиру, мокрый, с пакетами и бутылкой в руках.

– По случаю дождя! – сказал он, обнимая Динару. – Где бандиты?

Марк и Марта показались из детской с возгласом «Папа пришел!» и бросились к пакетам с едой.

– Ты что, целый день их не кормила?

Из кухни ощутимо попахивало паленой шерстью.

– Если их еще и кормить, они весь дом сожгут!

После ужина дети быстро угомонились. Все-таки они не очень хорошо себя чувствовали: к ночи поднялась температура, и Артем еле уговорил близнецов выпить аспирина.

Динара легла, а он пошел в душ. Стоя под струями горячей воды, Артем снова подумал о странной посетительнице. Она работала в «Альбионе», как и Людмила Станиславовна, их соседка. Кажется, тогда по делу о серийных убийствах проходил в качестве подозреваемого Никитский, владелец фирмы.

В Пономареве проснулся сыщик. Он наскоро вытерся и, стараясь не шуметь, отправился в гостиную. То, что ему нужно, было запрятано на самой верхней полке шкафа, под шляпными коробками.

– Что ты ищешь? – сонно спросила жена.

– Шляпу, – прошептал Артем. – Спи!

– Шляпу? На улице лето, господин адвокат!

– Спасибо, я не знал.

Он нашел целлофановый пакет с ксерокопией «исповеди маньяка» и похвалил себя за предусмотрительность. Еще тогда он знал, что эти записки сослужат свою службу. Чутье профессионала!

ГЛАВА 3

В детстве у меня была кличка Принц.

Я был долгожданным и любимым ребенком. Отец мой, известный профессор медицины, души во мне не чаял и мечтал, чтобы я пошел по его стопам. Но медицина никогда меня не привлекала. Наверное, на мою натуру повлияли мама и тетя Лавиния, мамина старшая сестра, которая рано овдовела и всю свою жизнь, до самой смерти, прожила с нами в огромной московской квартире.

Мама имела некоторый литературный талант, отчасти передавшийся и мне. Она писала научные статьи в толстые и важные журналы. По вечерам, когда отец, уставший за день на работе, спал, она сидела в кабинете за столом и стучала на старой немецкой печатной машинке. На столе горела лампа с кремовым абажуром, мягко освещая мамин силуэт. Такой она мне и запомнилась – гладко причесанная, со склоненной головой, с ажурной шалью на плечах.

Мама и тетя Лавиния не могли на меня налюбоваться, баловали. Надо сказать, я был действительно прелестным ребенком – живой, румяный, голубоглазый, с кудрявыми шелковистыми волосами. Принц! Настоящий маленький властелин в ограниченном стенами профессорской квартиры семейном мирке. Я привык к поклонению, любви, обожанию и считал, что в полной мере всего этого заслуживаю. А поскольку я был мальчиком, то мне полагались внимание, забота и восхищение девочек и женщин.

Поначалу так и было. Все женщины, окружавшие меня, дарили мне свою любовь – мама, тетя Лавиния, учительница музыки Инна Викторовна, которая приходила к нам домой давать мне уроки игры на скрипке, сердобольные соседки, приятельницы родителей и их ухоженные дочки. А потом…

Впрочем, не буду забегать вперед.

Я рос послушным и воспитанным ребенком. У меня были многие способности – к музыке, литературе, иностранным языкам, – но они странным образом рассеивались по мере того, как я взрослел. Я научился читать в четыре года, к пяти неплохо пиликал на скрипке, в шесть сочинял наивные, длинные стихотворения о елках, засыпанных снегом, кремлевских башнях и любви к Родине.

Когда мне исполнилось семь лет, мама, папа и тетя Лавиния торжественно отвели меня в первый класс. Я тоже радовался, думая, что теперь обрету новых поклонников моей незаурядной внешности и талантов. Не знаю, как это получилось, но только учеником я оказался самым обыкновенным. Школьная учительница писала в мой дневник подробные послания для родителей, чтобы они «обратили внимание», «оказали помощь» и «приняли меры». В конце концов учеба наладилась, но я понял, что ни одноклассники, ни учителя не в состоянии оценить мои способности. Они просто зеленели от зависти и не пропускали ни одной возможности показать мне, насколько я глуп, ленив и избалован. Разве можно простить такое?

Тетя Лавиния была намного старше мамы и умерла когда я перешел в шестой класс. До этого я никогда не видел покойников и очень боялся. Но тетя Лавиния в гробу произвела на меня совсем иное впечатление, чем я ожидал. Она лежала такая бледная, неподвижная и спокойная, какая-то помолодевшая, с разгладившимися морщинами, и напоминала Офелию. Я сказал об этом отцу, но он только нахмурил брови и подозрительно уставился на меня.

– Софьюшка, – обратился он к заплаканной матери, – мальчик перенервничал. Дай ему успокоительного!

После похорон в нашей семье произошло знаменательное событие. Папе предложили заведовать кафедрой медицинского института в Ленинграде, и мы начали собираться,

укладывать вещи. Квартиру на Алексея Толстого решили не продавать. Кто его знает, как там пойдут дела в северной столице? Так хоть будет куда вернуться.

В Ленинграде папу встретили с уважением, предложили служебную жилплощадь. Родители обрадовались. Квартирка была маленькая, всего из двух комнат, но со всеми удобствами и отдельной кухней. Обитал в ней, в основном, я. Папа пропадал на кафедре, мама в издательстве, куда она устроилась, а я был предоставлен сам себе. Лето кончалось, и мне предстояло идти в восьмой класс новой школы. Как меня встретят незнакомые ребята и учителя? Я думал об этом, гуляя по старому заросшему скверу. В листве уже появилось первое осеннее золото, розовели плоды шиповника.

Первое сентября выдалось солнечным и прозрачным. Теплый ветерок трепал банты первоклассниц, пионерские галстуки и тяжелое школьное знамя из алого шелка, с желтой бахромой по краям. В тот суматошный и немного тревожный день я и увидел Ее. Не то чтобы я мечтал об этом или стремился к этому – я просто знал, что Принц должен встретить свою Принцессу, и по-другому быть не может.

С того мгновения, как я понял, что эта девушка – избранница моего сердца, я не сводил с нее глаз. Ее светлые волосы спускались до талии, а глаза сияли, как два синих сапфира. Она училась в восьмом «в», как и я. Сама судьба распорядилась, чтобы мы оказались рядом.

Мой первый день в новой школе был похож на волшебный сон. Вернувшись домой, я чуть не плакал из-за того, что не смогу видеть Ее, любоваться ее стройной фигурой, нежной улыбкой. Правда, несмотря на все старания, моя Принцесса ни разу не обратила свой взгляд в мою сторону. Это оттого, что она еще не знает меня, не догадывается о моей любви к ней, решил я и принялся строить планы, каким образом мне лучше всего привлечь ее внимание. Слезы душили меня, я не мог заснуть, постель казалась горячей, как огонь. Я встал и распахнул окно. Из синей темноты на меня хлынула прохлада осенней ночи, полная тревожных звуков. Я схватил ручку, тетрадный листок и прямо на подоконнике, залитом луной, написал восторженное любовное стихотворение. Слова лились из моего сердца без всякого труда, рифмы складывались сами… О, какая то была дивная, чудная ночь! Воспоминания о ней до сих пор согревают мою душу!

Едва дождавшись утра, я побежал в школу. Дворники шаркали метлами по усыпанному листвой асфальту. В холодном утреннем воздухе стоял запах бензина и мокрой пыли.

– Ты чего так рано? – недовольно заворчала уборщица, впуская меня в темный и гулкий школьный вестибюль.

– Соскучился! – важно ответил я, вытирая ноги о постеленную у дверей мокрую тряпку.

– Ну, давай… – неопределенно пробормотала она, глядя, как я поднимаюсь по лестнице на второй этаж. – Гляди, не озоруй только! У нас директор страсть какой строгий.

То ожидание, когда придет Она, до сих пор самое сладостное воспоминание моей жизни. Я мысленно представлял, как увижу Ее, подойду и с легким поклоном вручу мое любовное признание…

– Ты чего не спишь?

Артем вздрогнул и поднял голову. На пороге кухни стояла сонная Динара, удивленно глядя на него.

– Да вот, мемуары читаю.

– Мемуары?… – Спросонья она ничего не могла понять. – Знаешь, который час?

– Догадываюсь.

Артем потянулся, взглянул на часы – третий час ночи. Динара села рядом, сложила на коленях руки, вздохнула.

– Дети плохо спят, ворочаются, стонут…

– Температура есть?

– Вроде есть, небольшая.

– Ничего, – он обнял ее за плечи, – маленькие дети иногда болеют. Это пройдет.

– Что это?

Листы, исписанные красивым, аккуратным почерком, показались ей знакомыми.

– Старая история.

Артему не хотелось тревожить жену, говорить о том, что призраки прошлого вновь появились в их жизни.

– Помнишь господина Вольфа? – вдруг, ни с того ни с сего, спросила Динара.

– Еще бы! – улыбнулся Артем. – Дуэль в подворотне. Такое не забывается. А почему ты заговорила об этом?

– Не знаю, – она зябко повела плечами. – Как ты думаешь, где он сейчас?

– Вольф? В Москве.

– Ты уверен?

– Разумеется, дорогая. Я проверяю время от времени. Милейший Карл Фридрихович проживает в Москве, имеет обширную частную практику, от клиентов нет отбоя. Тебя что-то беспокоит в связи с Вольфом?

– Понимаешь, мне не нравится наш новый сосед…

– Кто? Фарид? Ну, он-то тебе чем не угодил? Мужик долго жил в глухомани, разговаривал в основном с медведями, политесу не обучен. Только и всего!

– Нет, ты не понял. Фарид ни при чем. Мне не нравится профессор Рубен.

– Альвиан Николаевич? – удивился Артем. – Бога ради, в чем дело? Человек занимается наукой, историей, по-моему, преподает… Что ты видишь в этом плохого?

– Ничего, но… он чем-то напоминает Вольфа. Тебе не кажется?

Господин Пономарев задумался. События давно минувших дней упорно и с разных сторон лезли в сегодняшнюю реальность.

После убийства Изабеллы Юрьевны ее квартира долго стояла пустая. Дурные слухи отпугивали покупателей, и престарелые родители госпожи Буланиной совсем было потеряли надежду. И вот три года спустя квартиру приобрел профессор Рубен, одинокий мужчина лет шестидесяти. Альвиан Николаевич оказался интеллигентом старой закалки. Всю свою жизнь он посвятил одной страсти – Истории. Непрерывные разъезды по «святым местам», как он называл археологические раскопки или остатки древних городов, сделали его жизнь длинным, беспокойным кочевьем, так что семьей обзавестись не получилось.

Профессор приехал в Петербург из Прибалтики, где преподавал историю, писал книги по этому предмету и приобрел некоторую скандальную известность, потому что по-новому освещал давние события и по-своему истолковывал факты. Студенты побаивались его строгости, но любили за стремление профессора относиться к истории не как к застывшей, незыблемой догме, а творчески, обращая внимание на незначительные несовпадения, делая выводы, не всегда совпадающие с официальной версией. История в устах Альвиана Николаевича становилась из скучной и неинтересной науки превращалась в сенсационное открытие или захватывающий детектив.

Господин Рубен поселился в квартире Изабеллы Юрьевны вместе с двумя собаками – свирепыми и преданными хозяину доберманами, так что у Егора Фаворина появился новый повод для волнения. После смерти Буланиной полосатые коты постепенно вывелись, и музыкант смог вздохнуть спокойно. Но доберманы профессора возмутили это спокойствие. Они терпеть не могли кошек и начинали злобно рычать и рваться с поводков, едва хозяин выводил их из квартиры.

Фаворину пришлось прогуливать своих роскошных персов исключительно на поводке, дрожа от страха, что доберманы выйдут на прогулку. Хорошо, что профессор выводил собак в строго определенные часы.

Доберманов боялись все соседи, кроме Фарида, который, казалось, не обращал на них внимания. Динара строго-настрого предупреждала Зою Петровну и близнецов, чтобы дети ни в коем случае не дразнили собак и не приближались к злобным псам ни под каким видом. Хотя господин Рубен уверял, что «собачки не кусаются», ему никто не верил.

Чем Альвиан Николаевич мог напоминать Вольфа, Артему было совершенно не понятно. Вольф был высокий, черный, бородатый и хромой, а профессор – среднего роста, светловолосый, благодаря чему седина была малозаметна, полноватый и сероглазый, вполне добродушной наружности. Собаки у него жили злющие, но это как раз объяснимо. Человека целыми днями нет дома, квартира набита старинными вещами, собранными на протяжении всей жизни, – кто-то же должен это все охранять! Тем более, первый этаж. Изабелла Юрьевна и та боялась, решетки на окна поставила.

– О чем ты думаешь? – вмешалась в мысли Артема Динара.

– О профессоре Рубене.

– И что ты о нем думаешь?

– С чего ты взяла, будто он похож на Вольфа? Чем?

Динара сосредоточенно сдвинула брови, и ему сразу захотелось поцеловать ее, прижать к себе. Когда она становилась такой серьезной, он еще больше любил ее.

– Понимаешь… у него взгляд странный. Один раз я услышала, как он со своими собаками разговаривает, у меня аж мороз по коже пошел!

– И что же он говорил?

– Знаешь, как его доберманов зовут?

Артем пожал плечами. Еще не хватало интересоваться доберманами Рубена!

– Какая разница…

– Ты сначала послушай, – перебила его Динара. – Собак зовут Танат и Кера!

– Ну и что? – удивился Артем. – Люди сейчас и не такие имена придумывают. Не называть же доберманов Тузик и Жучка? Альвиан Николаевич человек незаурядный, эрудированный, такие люди всегда изобретательны, даже в мелочах.

– Тебе известно, что означают эти имена? – настаивала жена.

– В юриспруденции таких терминов нет! – пошутил Артем и тут же пожалел об этом: Динара начинала по-настоящему сердиться, когда муж не прислушивался к ее мнению, особенно по вопросам, казавшимся ей важными.

– Может, мне вообще не стоит тебе ничего говорить? – вспыхнула она, сверкая глазами, как разъяренная кошка.

– Ну прости, – Артем сменил тон и положил голову жене на грудь. – Я просто не выспался. Так что тебя настораживает в этих доберманах?

– Ладно, – смягчилась она. – Придется повысить твой интеллектуальный уровень. Неуч! Чем ты только занимался в школе и университете! У собак странные имена… Танат – бог смерти у древних греков. Могильным холодом веет от его черных крыльев и плаща; он прилетает к изголовью умирающего, чтобы срезать своим мечом прядь волос с его головы и исторгнуть душу. А мрачные керы всегда рядом с ним – они носятся на своих крыльях по полю битвы, ликуют, когда сраженные воины падают, и пьют из открытых ран свежую кровь.

– Ужас какой! Этому тебя в школе научили? Или телевизора насмотрелась? – полушутя спросил Артем, прикасаясь к ее лбу. – Такие вещи бывают при высокой температуре! Может, ты от детей заразилась?

– Прекрати! – возмутилась Динара. – Я не шучу! Всякая мифология, какой бы надуманной она ни казалась, имеет под собой реальную почву…

– Ты хочешь сказать, что доберманы профессора – греческие божества, принявшие столь низменную форму жизни?

– Тьфу на тебя! – засмеялась Динара, у которой пропала охота злиться. – Не болтай языком! Я только хочу обратить твое внимание, что добрый человек так своих псов не назвал бы. Это неспроста. Как сыщик, ты должен понимать, что мелочи гораздо больше могут рассказать об истинной сути человека, чем то, что он демонстрирует. Профессор Рубен носит маску добряка и рассеянного интеллектуала, который полностью погружен в свою любимую науку, так что не видит и не слышит ничего вокруг. А на самом деле это не так! Под видом чудаковатого старичка скрывается очень умный и опасный человек. Ты посмотри ему в глаза! Это же сталь, которая пронзает насквозь! Мне как-то удалось перехватить его взгляд, когда Альвиан Николаевич этого не ожидал и потому не успел придать ему обычное выражение напускной доброты.

– По-моему, ты преувеличиваешь, – возразил Артем.

Но что-то в словах жены серьезно задело его. И впрямь, в господине Рубене есть нечто необычное. Стало обидно, что Динара заметила это первая. Впрочем, экстравагантность и нестандартное поведение отнюдь не редкость в людях, подобных профессору.

– А как он разговаривал со своими собаками? – спросил Пономарев, беря из вазочки конфету-тянучку.

– Собаки рычали и скребли дверь Егора Фаворина. Кошачий запах приводит их в бешенство. Ну, я услышала и выглянула в глазок. И тут поймала взгляд профессора – он поднял голову и смотрел вверх, на второй этаж, так внимательно-внимательно, будто прислушивался к чему-то. Потом оттащил собак от квартиры Фаворина и говорит им: «Надо ждать, мои хорошие! Наберитесь терпения. Скоро все наши надежды сбудутся!» И перевел глаза на меня, будто почувствовал, что я за дверью стою, – взгляд такой спокойный и все понимающий: мол, любопытничаешь? Ну-ну… Затем чуть покачал головой, еле-еле… не стоит, дескать, этого делать. Не суй нос, куда не просят!

– Может, человек не любит, когда за ним подглядывают, только и всего…

Динара кивнула.

– Конечно. Но в таком случае, чутье у него почище, чем у доберманов. Они так были заняты котами, что больше ни на что не реагировали. А Рубен как будто увидел меня сквозь дверь… И что, по-твоему, значат эти его фразы?

– Про надежды и терпение? Мало ли, что он имел в виду. Я ничего зловещего не нахожу. Человек надеется, ждет, верит… это естественно.

– А почему он с собаками разговаривает?

– Ну, дорогая, с кем же ему еще разговаривать? Живет он один, близких родственников и друзей у него нет. Одинокие люди для того и заводят животных, чтобы общаться с ними.

– Действительно, – согласилась Динара. – Наверное, у меня слишком богатое воображение. Альвиан Николаевич бывает довольно милым, подарил близнецам пробковый шлем, подводные очки, книги с картинками о путешествиях.

– Вот видишь! – обрадовался Артем. – У людей полно странностей! И ничего страшного в этом нет. Пошли спать.

Детям к утру стало полегче, они перестали метаться и ровно сопели в своих кроватках. Динара тоже уснула. А Артему так и не удалось сомкнуть глаз. Вчерашнее посещение Галины Павловны и разговор с женой не выходили из головы.

Давняя история, кажется, не закончилась. Но каким образом она может иметь продолжение? Почему вдруг всколыхнулось прошлое? Что связывает Галину Павловну, профессора Рубена, убитых женщин, Вольфа, Динару?

Ну, Альвиан Николаевич, скорее всего, ни при чем – просто у супруги нервы разыгрались. Никакие подозрительные личности к нему не ходят, Артем бы заметил. Да и по времени, если проследить распорядок дня господина Рубена, видно, что он ходит на работу, с работы, в магазин, гуляет с собаками, и все! Увлекается ли историк оккультизмом и магией?

Этого точно утверждать нельзя, но и видимых признаков такого интереса не наблюдалось. Имена собак? Тут, скорее, просто эксцентричность.

Артем невольно усмехнулся. Уж очень не похож был профессор истории на колдуна. Это Динара от страха придумала. Вольф тогда здорово ее напугал! Никакой реальной опасности Рубен представлять не может. Да и с какой стати? Он не бандит, не уголовник какой-нибудь… живет обеспеченно, занимается любимым делом. Такие люди ни воровать, ни убивать не станут.

Вольф в Москве, и думать о нем нечего. Да если бы он и приехал в Питер, то второй раз спотыкаться о тот же камень ему не захочется. Он не настолько глуп. Месть? Но ведь во время потасовки Артем был в маске, а Вольф и так был с ним не знаком. Применил свои магические способности и догадался?

Стоп, сказал себе Пономарев. При чем тут месть? Кто кому собирается мстить и за что? Столько лет прошло, и вдруг Вольф решил отыграться? Почему так долго ждал? Нет, не вяжется… А что, собственно произошло? Никому ничего пока не грозит, кроме Галины Павловны, которая решила, будто один из коллег хочет ее убить.

Во-первых, она может быть психически неуравновешенной, истеричной дамой. Артем знал такой сорт женщин. Стоило мужчине сделать шаг в их сторону, как они тут же вопили, что их хотят изнасиловать. А два шага расценивались не иначе, как покушение на убийство. Вчерашняя посетительница, правда, не производит впечатления сумасшедшей, но… внешний вид обманчив. Могла притворяться…

Похоже, что женщина действительно напугана. Но убийство – вещь серьезная. Чтобы на него решиться, должны быть веские основания. Ревность, корысть или страх – три основных мотива, если исключить душевное расстройство.

Так. Ее послала Авдеева – вот почему вспомнилось прошлое. Авдеева работает в фирме «Альбион», которой владеет Никитский. Его бизнес процветает, с женой Дмитрий Сергеевич пока разводиться не собирается – в общем, у него все хорошо. Кроме того, что один его сотрудник хочет убить другого.

Как же помочь Галине Павловне? Что ей посоветовать?

Артем услышал, как кто-то из детей прошлепал босыми ногами в туалет, и понял, что пора вставать. Он решил сегодня обязательно позвонить Галине Павловне и назначить встречу.

ГЛАВА 4

Только вчера перед их глазами лежали величественные руины Рима, а сегодня уже моросил дождь над притихшими, бледными в свете серого дня улицами Петербурга.

Анне казалось, что вот-вот проглянет из-за туч яркое, лазурное итальянское небо. Она задернула тяжелую лиловую штору и отошла от окна. Кончилось их с Юрием свадебное путешествие, длиною в девять лет… Господин Салахов уехал в свой офис, а она осталась дома. Хотелось полежать, отдохнуть после утомительного перелета.

Анна Наумовна Левитина вспоминала свое неожиданное и скоропалительное замужество: платье из жемчужно-серого шелка, шампанское и огромные букеты белых лилий, которыми осыпал ее Юрий. Как давно это было! В совсем другом городе, под другим небом. Или это она изменилась с тех пор?

Родители Юрия опоздали на бракосочетание единственного сына, но все же приехали. Будущая свекровь вытирала слезы, которые безостановочно лились из ее глаз. Она прикрывала букетом красное, опухшее от рыданий лицо. Не такую невестку она хотела, не о таком счастье для Юрочки мечтала! Да ничего не поделаешь… нынче дети со старшими не считаются, самовольничают. Арсений Платонович был растерян, расстроен скандальным поведением супруги. Он понимал, что они портят праздник, и чувствовал себя неловко.

– Будь счастлив, сынок! – скороговоркой выпалил он, стараясь побыстрее затеряться в толпе гостей.

Перед взглядом невестки он робел и терял дар речи. Анне было смешно.

После свадьбы Юрий предложил поехать в швейцарские Альпы или на Лазурный берег, но Анна отказалась.

– Я купила квартиру, – заявила она. – Ты мне сам ее подарил! Теперь я хочу пожить в ней!

Господин Салахов опешил.

– Но… дорогая… там не мешало бы ремонт хороший сделать, мебель…

– Ничего не надо, – отмахнулась она. – Пусть будет, как есть.

– А… нам что, придется жить раздельно? Я у себя в квартире, а ты…

– Нет, конечно! Не говори глупости, – засмеялась Анна. – Несколько дней поживем у тебя.

– Несколько дней?..

Юрий ничего не понимал, а она улыбалась. Ей было весело!

– Я же говорила – со мной не соскучишься. Я тебя предупреждала?

Он кивнул. Анна действительно предупреждала, и Юрий на все соглашался. На все! То, что придется выполнять обещание в первые же дни совместной жизни, во время медового месяца, просто не приходило ему в голову.

Супружеская жизнь преподносила сюрприз за сюрпризом. Анна настояла на том, что будет три дня жить в новой квартире, а три дня с Юрием.

– Почему мы не можем поселиться там вдвоем, раз уж тебе так хочется?

– Не можем, – ответила Анна и больше ничего объяснять не стала.

Так они прожили около года. Господин Салахов не выдержал и нанял охранников для жены. Они старались держаться в отдалении и только сообщали Юрию о том, что все в порядке. Анна почти никуда не выходила из квартиры.

«Что она там делает? И зачем ей это нужно?» – ломал голову Юрий, но спрашивать не решался.

Несмотря на все, он сильнее и сильнее влюблялся в свою странную жену и был несказанно счастлив, когда она предложила съездить за границу.

– Куда тебе хочется? – радостно спросил он.

– В Англию! – не колеблясь, заявила Анна. – Будем отмечать годовщину свадьбы в Лондоне.

Юрий опомнился. Оказывается, прошел целый год, как они стали супругами! А он и не заметил. С Анной жизнь текла как бы вспять, полная загадок и приятного волнения.

Они уехали в Англию. Анна почти каждый день ходила на фондовую биржу, смотрела, как идет торговля ценными бумагами. «Хочет разобраться, чем я занимаюсь!» – думал Юрий, и ему было хорошо от этой мысли. У мужа и жены должны быть общие интересы.

Через некоторое время Анне надоела биржа, и она начала проситься в Грецию, к Эгейскому морю. Ни красоты Шотландии, ни Альпийские курорты, ни Париж ее не привлекали. Юрий пытался объяснить, что он не может так надолго оставить дела, но она слушала его рассеянно и как будто не понимала, о чем идет речь.

– Ах, ну конечно, поезжай! – сказала Анна однажды утром, после того, как Юрий полчаса говорил по телефону с управляющим и обсуждал ведение бизнеса в Петербурге. – Тебе нужно присматривать за твоими фирмами.

– А ты? – поразился он. – Разве ты не едешь вместе со мной?

– Отвези меня в Афины, – бросила она, как что-то само собой разумеющееся. – Я буду ждать тебя там.

Их жизнь превратилась в сплошные разъезды. Юрий летал в Петербург, иногда Анна соглашалась сопровождать его, но больше, чем на неделю, оставаться не хотела. Квартира в театральном доме, которая была так важна для нее, стояла запертая, и Анна даже не вспоминала о ней.

Так прошли годы. Господин Салахов возмужал, пополнел, на его висках появилась седина. Ему исполнилось тридцать девять. Анна же хорошела и хорошела, не замечая времени, поглощенная своими думами. Она, казалось, решала внутри себя какую-то задачу, такую же странную и непонятную, как и она сама.

Неожиданно Анна заявила, что хочет вернуться домой, и начала укладывать чемоданы. Юрий боялся верить счастью. Он ходил вокруг жены, как охотник, старающийся не спугнуть рябчика. Вдруг передумает? Скажет, что теперь ей хочется на Канары или в Таиланд? Но она не передумала.

И вот они в Питере. Небо висит над самыми крышами домов, в каналах стоит свинцовая вода, моросит дождь…

Анна мерила шагами комнату и решала, звонить Юрию в офис или нет. Ей захотелось сходить в театральный дом, посмотреть, как там ее квартира. Откладывать было не в ее правилах. И госпожа Левитина вызвала такси.

Войдя в подъезд, Анна Наумовна чуть не попала в зубы двум здоровенным доберманам. Их хозяин застыл, как вкопанный, раскрыв рот от удивления, когда псы заскулили и попятились, давая незнакомой даме дорогу.

– Не бойтесь, мои хорошие! – небрежно бросила она, легко поднимаясь на второй этаж.

Из дверей ее квартиры вышли два накачанных парня со спортивными сумками в руках, побежали вниз.

Анна Наумовна тронула дверь, которая оказалась открытой. В прихожей на вешалке висели несколько летних курток, стояли кроссовки и мужские туфли. Из большой гостиной раздавались странные звуки. Госпожа Левитина медленно пошла по коридору и заглянула туда, откуда были слышны хлопки, отрывистые выкрики и удары.

Гостиная оказалась превращена в спортивный зал, где тренировались несколько молодых парней. По стенам висели зеркала, шведская стенка и; пол был устелен матами, в правом углу – канат и несколько снарядов для отработки ударов.

– Вам кого? – спросил приятный мужской баритон у самого ее плеча.

– Хозяина, – ответила Анна, улыбаясь.

– Это я! – представился крепкий, одетый в белое кимоно мужчина. Черные усы очень шли к его моложавому, гладко выбритому лицу. – Фарид Гордеев. – Он слегка поклонился.

– Я бы хотела научиться кое-чему. Время неспокойное… могут на улице пристать. Что-нибудь для дам – такое изящное, незаметное, не требующее больших усилий, но с летальным исходом. Последнее условие обязательно.

Посетительница смотрела на Фарида чистыми, сверкающими глазами цвета сливы и ждала ответа. Он молчал. Дама была прелестна – с хорошей фигурой, одетая в дорогой светлый костюм, умело подкрашенная.

– Д-да, пожалуйста… – ответил он, чувствуя в горле легкий спазм, и неожиданно закашлялся.

– Так когда я могу прийти?

– Понимаете… – он замялся. – У нас нет женской секции.

– И не надо! Я предпочитаю индивидуальные занятия.

– Хорошо. По утрам, с девяти до одиннадцати вас устроит?

– Разумеется!

Любочка, секретарша Юрия Салахова, за то время, что шеф с супругой ездили по заграницам, пыталась изменить свою жизнь. Она несколько располнела воспринимая очень болезненно каждый лишний килограмм, покрасила волосы в ореховый цвет, сменила стиль одежды с молодежного на классический и даже побывала замужем. На работе ее стали величать Любовь Тимофеевна, что ей страшно не нравилось.

Любочке исполнилось тридцать лет – то есть она подошла к тому роковому рубежу, когда надежды начинают потихоньку умирать, красота вянет, вес растет, а настроение портится. Недоумение по поводу собственной невезучести не давало ей покоя ни днем, ни ночью. Ведь поначалу у нее все, абсолютно все было для счастья! Прекрасная внешность, ум, образование, удачное место работы, окружение состоятельных мужчин, среди которых самым привлекательным ей казался президент компании Юрий Арсеньевич Салахов – молодой, красивый, неженатый. И он уже начал обращать на нее внимание, как подвернулась эта… У Любочки не было подходящего слова для супруги шефа. Старая дева, сорокалетняя страшила, хищная акула, вырвавшая лакомый кусочек из-под самого носа Любочки! Чем она взяла? Что смогла предложить Юрию лучше, чем молодое, красивое тело, лицо без морщин, длинные стройные ноги, упругая грудь и плоский живот, раскованная, соблазнительная походка модели?

Бесчисленные достоинства Любочки остались невостребованными. Кроме того, она не просто старалась произвести впечатление на Юрия, чтобы женить его на себе – она в него влюбилась. Она мечтала о нем, хотела его, смотреть на него не могла без сладкого замирания в груди! Весть о предстоящей женитьбе шефа повергла ее в длительный шок, от которого Любочка не скоро оправилась. Она заболела и даже лежала в платном неврологическом отделении с нервным срывом.

После лечения она попросилась в отпуск. Ей захотелось в тишине и покое обдумать свое поражение. В чем она просчиталась? Чего не учла? Она пыталась обнаружить свою ошибку, чтобы впредь ее не повторять. Это оказалось непросто. Если бы ее соперницей была молодая красавица, известная актриса, например, или сногсшибательная бизнес-леди – словом, достойный противник, – ей хоть что-то было бы понятно! Но то, что произошло, не вписывалось в рамки привычных для нее вещей. Допустим, Юрий запал на эту… страшилу. Такое бывает. Иногда мужчины просто с ума сходят от женщин постарше. Пусть бы поухаживал за ней, переспал, в конце концов, жалко, что ли. Акула, небось, и так оказалась бы

на седьмом небе, имея такого любовника, как Юрий. Зачем же жениться? Жениться зачем?! Любочка никак не могла ответить себе на этот вопрос, как ни старалась.

Так, в полном замешательстве и с горькой обидой на весь белый свет, она вернулась на свое рабочее место, с облегчением услышав, что господин Салахов с супругой отбыли в Англию. Видеть каждый день Юрия, осознавая, что он для нее невозвратно потерян – такой пытки Любочка бы не вынесла!

Оказывается, пока она лечилась и отдыхала, прошел почти год. Отпуск, который должна была ей компания, Любочка использовала, потом попросила еще пару месяцев за свой счет. Ей не отказали. В фирме ее любили. Когда Любочка вернулась, ее тепло и радушно встретили, и жизнь потекла своим чередом.

Никто не ожидал, что путешествие господина Салахова затянется так надолго. Это приводило в недоумение сотрудников и партнеров. Впрочем, Юрий руководил компанией и на расстоянии, изредка приезжал, даже заключил немало выгодных сделок, сумев найти общий язык с английскими, итальянскими и греческими бизнесменами. Дела шли неплохо.

Весть о том, что господин Салахов возвращается в Петербург, застала Любочку, – теперь Любовь Тимофеевну, – врасплох. Ее сердце так сильно, так быстро забилось, что она едва не потеряла сознание. Первым делом она подбежала к зеркалу и со стоном убедилась, что ее шансы не столь велики, как раньше. Сияющая, свежая юность – основное преимущество перед ненавистной соперницей – осталась в прошлом.

«Ничего! – успокоила себя Любочка. – Его жена тоже не помолодела. Сколько ей сейчас? Пятьдесят один!»

Все эти годы Любочка не дремала. Она тщательно следила за собой, не жалея ни средств, ни времени. Любую свободную минутку она посвящала тренажерному залу, бассейну, косметическому салону, парикмахерской, сауне, утренним пробежкам и здоровой пище. Она бросила курить и свела к минимуму употребление алкоголя. Любочка перепробовала все новейшие заморские и отечественные «молодильные» средства. Но, несмотря на все ухищрения, тело предательски увядало.

Утешительным призом для Любочки было осознание того, что ей все-таки еще только тридцать, а супруге господина Салахова – пятьдесят один. Этот козырь проклятой акуле бить нечем!

Она почувствовала, как ее настроение улучшается. Приведя в порядок макияж и надушившись, секретарша занялась бумагами, ни на минуту не забывая о том, что со дня на день Юрий снова окажется с нею рядом.

«Наверняка, его за десять лет уже тошнит от этой старухи! – с глубоким удовлетворением думала Любочка, стуча по клавиатуре. – Еще посмотрим, кто будет смеяться последним!»

О собственном замужестве она старалась не вспоминать. Боже, как она могла так вляпаться? С ее умом, способностью разбираться в людях? Впрочем, этот промах объясняется просто, – после такой душевной травмы, как женитьба господина Салахова, Любочку «понесло». Она напропалую строила глазки всем подряд, меняла кавалеров быстрее, чем носовые платки, доказывая то ли окружающим, то ли самой себе, что все ее женские прелести при ней, что ее очарование неотразимо. Она много пила, много танцевала и много смеялась, выбрасывая на модные наряды всю свою зарплату. В те сумасшедшие, отчаянные дни в одном из ночных клубов она и познакомилась с Мишей Лифановым, молодым и преуспевающим телепродюсером. Он был красив и престижен – как любовник и, тем более, как муж. Все ее подруги и приятельницы пищали от зависти, когда она появлялась с Мишей на тусовках.

Миша влюбился. Он ждал ее после работы у офиса, звонил по десять раз в день, дарил цветы, носил на руках. Они поженились так же внезапно, как и влюбились друг в друга, без-

остановочно кружась в вихре удовольствий. И только переехав в суперсовременно обставленную квартиру Миши, Любочка начала замечать неладное.

Первое, что ее насторожило, был шприц, закатившийся под кухонный шкафчик и случайно попавшийся ей на глаза. Ну, это еще ничего не доказывало. Во-первых, у Миши было много богемных друзей, от которых можно ожидать чего угодно; во-вторых, может, человек болел, и ему приходилось делать уколы. Совсем не обязательно предполагать плохое! Но Любочка все же начала внимательнее присматриваться к Мише. Результаты наблюдений ошеломили ее.

Оказалось, молодой супруг кололся. Он стеснялся Любочки и скрывал от нее пагубное пристрастие, но только на первых порах. Постепенно господин Лифанов привыкал к новой роли мужа и сбрасывал покровы. Любочка узнала, что он уже дважды лежал в наркологической клинике. Две ночи она давилась слезами, пока супруг в беспамятстве валялся на кухне, уткнувшись красивым лицом в гору окурков.

Миша оказался совершенно не тем человеком, который мог составить счастье Любочки. Детей от него она не хотела. То, что раньше ей нравилось – премьеры, рестораны и тусовки, – надоело и потеряло былую привлекательность. Целые дни они проводили на работе, а когда вечером оставались вдвоем, оказывалось, что говорить не о чем.

«Интересно, а о чем мы говорили раньше?» – спрашивала себя Любочка и вынуждена была признать, что ни о чем. Пустая болтовня, смех, анекдоты и сплетни – так они с Мишей и общались, когда между ними вспыхнула любовь. Да и любовь ли? Оба нуждались в спасательном круге, и каждый думал, что выплывет за счет другого. Мише нужна была точка опоры после очередного курса детоксикации, а Любочке – после крушения надежд и неразделенной страсти к шефу. Оба были утопающими и, цепляясь друг за друга, не могли спастись. Потому что ни один из них не умел плавать.

Любочка снова начала думать о Юрии, а Миша колоться. В конце концов они разошлись, и Любочка вернулась к родителям. На нее обратил внимание один из коммерческих директоров компании, и через полгода Любочка стала его любовницей. Ее поклонник был намного старше, имел жену, с которой не собирался разводиться, и детей, которых любил. Роман длился два года и постепенно затух, безболезненно для обоих.

Любочка решила, что Юрий Салахов – ее судьба, ее единственная любовь, и что именно поэтому не складываются ее отношения с другими мужчинами. Она почти успокоилась и смирилась со своей жизнью. Но ее мама думала иначе. Вера Федоровна не могла смотреть, как чахнет в одиночестве ее любимая красавица-дочь. Девочку нужно с кем-то познакомить, решила мама и энергично взялась за дело. Жених нашелся быстрее, чем она рассчитывала. Сын школьной подруги приехал в Петербург учиться в военной академии. Симпатичный майор понравился Вере Федоровне, и она пригласила его в гости. Любочка сразу пришлась по душе неизбалованному женским обществом офицеру. Служил он под Архангельском, в закрытом гарнизоне, женат не был, и сразу предложил Любочке руку и сердце.

Наученная горьким опытом, она не стала спешить. Майор приходил к ним каждое воскресенье, потом зачастил. Деньгами он особо не располагал, и Любочка чувствовала себя скованно. Миша хотя бы зарабатывал немало и был щедр, ни в чем супруге не отказывал. Коммерческий директор тоже был состоятельный мужчина, – ему хватало и на жену с детьми, и на любовницу. Он часто давал Любочке деньги просто так, на мелкие расходы, покупал ей путевки: то в Испанию, то на Ривьеру.

А что сможет ей предложить майор? Закрытый гарнизонный городок, где десять улиц и пара сотен домов? Однокомнатную квартиру? Зарплату, которая в десять раз меньше той, что сама Любочка получает в компании? «Почетную привилегию» стоять целыми днями у плиты, стирать, гладить, мыть, чистить, таскать из магазинов неподъемные сумки? Такая

перспектива вызывала у Любочки глухую тоску. Ей хотелось завыть в голос, оплакивая свою неудавшуюся судьбу.

– Мама, – сказала она Вере Федоровне после очередного приступа «черной меланхолии», – я не буду выходить замуж за этого твоего военного.

– Почему это он мой? – возмутилась Вера Федоровна. – И почему не будешь? Тебе скоро тридцать, Люба!

– Сколько он еще здесь пробудет? Года три? А потом уедет в свой дурацкий гарнизон?

– Да, но… он заберет тебя с собой. Он тебя любит! Я же вижу, какими глазами он на тебя смотрит!

– Большое ему спасибо! – бросила Люба, закипая от злости. – И тебе вместе с ним! Тебе он нравится?

– Конечно… – растерялась Вера Федоровна. – Парень он видный, красивый, непьющий…

– Вот и поезжай вместе с ним!

Вера Федоровна остолбенела. Она так старалась! Нашла дочери хорошего жениха, и никакой благодарности!

Майор получил «от ворот поворот», а Вера Федоровна обиделась на Любочку и целую неделю с ней не разговаривала. Но все проходит… И это тоже прошло.

Больше Любочка о женихах не помышляла. Если она и задумывалась о мужчине, то только о Юрии…

Секретарша так погрузилась в свои воспоминания, что сделала ошибку в документе. Она провела рукой по лицу и подняла глаза. В этот момент дверь открылась, и вошел президент компании господин Салахов. Как раз в тот самый момент, когда Любочка подумала о нем. Слезы радости могли выдать ее, но он ничего не заметил. Кивнул головой вместо приветствия и прошел в свой кабинет.

ГЛАВА 5

Зарядили дожди. Стояла такая сырость, что Пономарев включил в офисе отопление. Немного согревшись, он передумал пить чай с коньяком и взялся за дела. Переговорил с несколькими клиентами по телефону, разобрал бумаги, ближе к обеду позвонил домой, поинтересовался у Динары, как там дети.

– Дерутся, – ответила она. – Значит, выздоравливают. Не задерживайся на работе, пожалуйста. У Зои Петровны болит голова, и она отпросилась домой. А я хотела сходить в парикмахерскую.

– У меня назначена встреча с клиенткой на семь часов вечера.

– Думаешь, она придет в такую погоду?

Артем только вздохнул. Клиентов действительно было мало: за весь день только трое. Может, это и к лучшему? По крайней мере, у него есть время подумать, дочитать записки убийцы. Вдруг что-то прояснится?

– Ладно, пока!

Он положил трубку и посмотрел на часы. Без пяти два.

Дневной свет едва пробивался в окно, и в помещении было темно, особенно в такие пасмурные дни. Артем достал из сейфа «записки», включил свет и углубился в чтение.

...Я мог отличить ее шаги от сотен, тысяч шагов других женщин! Я узнал бы ее, в любой толпе! Во время вселенского потопа мои мысли были бы только о ней! Я держал руку в кармане, сжимая листок с написанными для нее стихами и дрожал от возбуждения. Я надеялся, что она сердцем услышит мой отчаянный любовный призыв и придет пораньше. Но… моим ожиданиям не суждено было сбыться.

Коридор наполнялся звуками шагов, голосов, возни и смеха. В класс входили ученики, один за другим. А ее все не было. Когда прозвенел звонок, на мою душу опустилась ночь – я решил, что ее сегодня не будет. Свет померк для меня, и тут… она вбежала в класс, раскрасневшаяся, запыхавшаяся, на полсекунды опередив учителя математики.

– Нинка опять опоздала! – хихикнул мой сосед по парте.

Я был готов убить его за то, как непочтительно он отзывается о ней. Моя рука, сжимающая в кармане любовное послание, вспотела, и мне пришлось ее вытащить. Начался урок, но вместо того, чтобы смотреть на доску и слушать объяснения учителя, я то и дело бросал взгляды на нее.

– Тебе что, тоже Нинка нравится? – ехидно спросил сосед, толстый и веселый парень Вова.

– Что значит «тоже»?

– Ну… она с Витькой ходит, из десятого «б»! – снова хихикнул он. – А он у нас чемпион школы по боксу. Так что лучше не заглядывайся, а то…

Я схватил учебник и треснул Вовку изо всех сил по голове. Меня выгнали из класса, и я целый день бродил по осеннему парку, думая о том, что мне следует умереть. Вечером я вернулся домой и сразу улегся спать. Мне снилась она и незнакомый Витька, который целует ее и кладет голову ей на плечо.

– Что с тобой? У тебя температура! – сказала мама, когда утром будила меня. – Ты не мороженого, случайно, объелся? Оставайся дома. Пей горячее молоко и полощи горло содой.

Горячее молоко и сода были у мамы лекарствами от всех болезней. Отец устал с ней спорить по этому поводу и не вмешивался в процесс моего лечения. Лежа с температурой,

я думал о Принцессе, которая изменила мне. Как она могла? Разве этот грубый Витька с его кулаками мог любить ее так, как я?

Мной овладела сильная лихорадка, я горел, и ночью отец не отходил от моей постели.

– Это все переезд, новая школа, другие учителя, одноклассники, которых он не знает, – негромко объяснял он матери утром, собираясь на работу. – У мальчика очень ранимая психика, слабая нервная система. Пусть полежит дома несколько дней.

– Как? – удивилась мама. – Разве у него не ангина?

– Нет. Это нервная горячка. Он успокоится, привыкнет, и все пройдет.

Так и случилось. Я целыми днями спал, а ночью, когда никто не мешал, я думал. И решил написать Нине письмо. Ведь она ничего не знала о том, как я люблю ее! Я буду писать ей, часто, каждый день, пока она не убедится, что Витька ей не пара. А потом, когда она захочет узнать имя того, кто готов умереть за нее, я признаюсь, назову себя, и мы будем счастливы!

Это решение успокоило мой внутренний жар. Я написал первое письмо и на следующий день отправился в школу. Нина не заметила, как я положил послание в карман ее пальто.

Второе письмо я, улучив момент, засунул между страниц ее учебника по литературе. Третье послание мне удалось подложить ей в портфель. Я ждал реакции, какого-то изменения в ее поведении, но… все оставалось по-прежнему.

После уроков огромный Витька ждал ее у школы, и они вместе шли домой через парк, усыпанный желтой листвой, сквозивший полуголыми ветками. С замирающим от жестокой ревности сердцем я следовал за ними, прячась между старых лип и дубов, под которыми блестящим ковром лежали желуди. Я ничего не понимал. Может, она не читала моих писем?

Я продолжал писать о своей любви, и теперь приноровился класть письма прямо в ее дневник, когда никто не видел. Уж теперь-то они обязательно должны были попасть ей в руки! И скоро я убедился в этом.

Как всегда после уроков, я, подобно тени, скользил по парку за ничего не подозревающей парочкой; вдруг они остановились. Нина достала из портфеля какой-то листок и показала его Витьке. Это было мое письмо! Конечно, что же еще? Они вместе читали его и смеялись. О, как они смеялись! Потом они порвали его на мелкие клочки и подбросили вверх. Ветер подхватил обрывки и понес их вместе с облетевшей листвой…

У меня потемнело в глазах, когда я увидел, как они обнимаются и целуются. В груди разлился жар, и я едва не задохнулся. Я решил, что умираю. Они все целовались и целовались, моя Принцесса и этот боксер, они прижимались друг к другу, как любовники, которым нечего стесняться. Я хотел умереть, но не мог! И тогда я захотел, чтобы умерли они. Вернее, она! Потому что это она предала меня. Отвергла мою любовь, чистую, искреннюю, как райская звезда! Променяла ее на грубые объятия и слюнявые прикосновения чужого рта! Она все испортила, вываляла в грязи! Она оказалась совсем не такой, как я представлял себе. Я думал, она прекрасна, нежна и добра, – а она оказалась обыкновенной похотливой сучкой, такой же, как все!

Я почти не помню, как добрался домой, как завалился в постель, прямо в одежде и ботинках; ужасная, нестерпимая боль разрывала мое сердце… Черный густой туман поглотил меня, и я целую неделю пролежал в жестокой горячке. А когда пришел в себя, то ощутил себя другим. Я излечился от своей любви, исторг ее прочь из моей души. Нина стала мне ненавистна, и я не смог бы находиться с ней рядом.

Я не стал объяснять родителям, в чем дело, да они особо и не допытывались. Они так переживали за меня и боялись спровоцировать новый приступ. Мама пошла к директору, и меня перевели в другой класс. Постепенно я привыкал к своему новому состоянию. Я понял,

что женщины притворяются – они лишь кажутся ангелами, но все это не настоящее. Это их игра – разбивать сердца мужчин.

Я решил, что мне стоит заняться наукой. Отец обрадовался, заметив, как возрастает мой интерес к медицине.

– Вот видишь! – с гордостью говорил он матери. – Все, что ни делается, к лучшему. У мальчика наступил перелом. Он наконец-то взялся за ум!

Иногда после школы отец брал меня с собой в институт, на свою кафедру. Я слушал лекции и проникался духом его профессии. На девушек я не смотрел – они перестали меня интересовать. Так прошел год…

– Можно войти?

Артем настолько углубился в чтение, что не заметил, как в кабинет вошла Галина Павловна. Он поспешно смахнул листки в ящик стола и поздоровался.

– Извините! Я вам помешала…

– Вовсе нет, – он улыбнулся. – Просто я слишком увлекся.

– Что-то интересное?

– Скорее, поучительное. Как у вас дела?

Она села в кресло и сложила руки на коленях.

– Пока все хорошо.

– Вы делаете то, что я сказал?

– Стараюсь. Вечером не выхожу из дома и после работы не задерживаюсь. Когда возможно, приглашаю к себе подругу.

– Молодец, – улыбнулся Артем. – А как ваш муж относится к этому?

– Он ничего не знает! – испуганно ответила Галина Павловна. – Вы обещали, что никому…

– Разумеется, нет. Я думал, вы сами рассказали.

Она отрицательно покачала головой и нервно сжала руки.

– Он не знает. Если бы я… Нет, он не поймет! Скажет, что я выдумываю. У нас и так довольно натянутые отношения. Он считает меня истеричкой!

– Странно… Вы производите впечатление довольно уравновешенной дамы.

– Да? – она улыбнулась, довольная, и Артем заметил у нее на щеках симпатичные ямочки. – Мне приятно, что вы мне верите. А муж… я думаю, у него есть любовница.

– Вот как?

Она кивнула.

– Мы живем в большой квартире в центре города. Детей у нас нет…

– Квартира принадлежит вам?

– Мне, я единственная владелица. Поэтому муж продолжает жить со мной. Он привык к центру, к простору и комфорту.

– В случае вашей смерти…

– Квартира достанется ему, – ответила Галина Павловна. – У меня нет других наследников.

– Может быть, ваш муж хочет убить вас? Он знаком с тем человеком?

– Нет. Думаю, они друг друга не знают. И зачем бы тот мужчина стал рисковать из-за моего мужа?

– Пожалуй, вы правы. Но ведь должны же быть какие-то причины? Согласитесь, убийство не самый удачный способ решить проблему.

– Иногда другого просто нет.

Она посмотрела Артему в глаза, и он смутился.

– У вас действительно нет никаких предположений?

– Я бы сказала вам! – ответила посетительница. – Это в моих интересах.

– Понятно… Хотя, если быть честным, ни черта не понятно! Курите?

– Когда волнуюсь. Сейчас как раз такой случай.

Они закурили. Лампы дневного света делали все окружающее неестественно бледным, фарфоровым.

– Может быть, вы что-то видели, слышали? И теперь являетесь ненужным свидетелем?

– Возможно. – Галина Павловна пожала плечами. – Но я не знаю, что. Во всяком случае, я не придала этому значения.

– А как насчет такого мотива, как ревность?

– Ревность? Но… нет, что вы! Моя личная жизнь очень обыкновенна. То есть, у меня нет другого мужчины, кроме мужа.

– А вдруг потенциальный убийца влюблен в вас?

– Тогда бы он стал ухаживать за мной, а не убивать. Это слишком неправдоподобно. К тому же я никогда не замечала интереса с его стороны.

Артем не знал, о чем еще спрашивать.

– Хорошо, – сказал он, мельком взглянув на часы. – У вас есть мой телефон?

– Да, конечно! – Она вытащила из сумочки визитку и показала ему. – Вот он!

– Если что-то изменится, сразу же звоните. В любое время дня и ночи.

Анна Наумовна обдумывала ситуацию. Признаться, ее удивило, что в ее квартире кто-то устроил спортзал.

Она в третий раз звонила Николаю Эдеру, которому перед отъездом за границу оставляла ключи. Молодой человек заверил, что она может не беспокоиться, все будет в порядке. Госпожа Левитина посылала ему деньги два раза в год, за то, что он присматривает за квартирой. Интересно, сколько уже времени там тренируются борцы? Похоже, у Николая весьма странные представления о порядке.

– Николай? – она с облегчением вздохнула. – Наконец-то я вас застала.

– Здравствуйте… – Его голос звучал испуганно. – Извините, я не узнаю…

– Это Анна Левитина. Помните?

– Конечно.

– Я в Петербурге.

– Да?

Казалось, он еще больше перепугался.

– Как там дела с квартирой?

– С к-квартирой? – Николай закашлялся. – Все хорошо!

– Дело в том, что я сегодня наведывалась туда…

Николай Эдер молчал. У него пропал дар речи.

– Вы меня слышите?

– Д-да… да, с-слышу…

– Может быть, вы сами мне все объясните?

– Я… не виноват! Это все он! Он… ж-жестокий, страшный человек. Он велел мне д-дать ему к-ключи. Я… я не м-мог отказать. Он бы… убил меня. В-вернее, избил бы! Он так и сказал, ч-что сделает м-меня инвалидом… Я н-не мог… Мама умерла! Вы знаете? Если бы была ж-жива мама, она бы не допустила такого! Но она…

Господин Эдер заплакал. Анна слышала, как он всхлипывает и шмыгает носом.

– Сочувствую вам, – сказала она, дожидаясь, когда он сможет говорить. – Берта Михайловна была замечательная женщина.

Шмыганье на том конце провода стало утихать.

– С-спасибо… Мне ее так не хватает!

– Понимаю. И все же… кому вы дали ключи?

– Ему… ну, этому… Фариду.

Николай немного успокоился. Анны Наумовны он боялся гораздо меньше, чем господина Гордеева.

– Кто это?

– Фарид? – удивился Николай. – А вы не знаете? Ах, ну да… Это наш новый сосед. Помните квартиру номер пять? Ту, которую снимали арабы? Так это его. Он там живет. Он… тренер по этим… каким-то японским видам борьбы. Сначала он арендовал зал где-то в другом месте, а потом…

– Решил, что моя квартира подойдет для этого гораздо больше, – закончила за него Анна. – Неплохо придумано, как считаете?

– Что я могу считать? – промямлил Николай. – Меня никто и не спрашивал. Он у меня выяснил, что за квартира, почему пустует, где хозяева… и потом велел отдать ключи. А не то, говорит, челюсть сверну!

– А вы и поверили.

– Да! Вы бы тоже на моем месте поверили. Он одним ударом бревно ломает, я сам видел. И вообще, этот Фарид – психованный. Один раз доберманы профессора вздумали на него лаять, так он их так шуганул, что Рубен их полдня искал, дозваться не мог. Они от страха убежали в сквер и боялись во двор носы показать. А эти собаки такие свирепые, что все жильцы мимо них пройти боятся!

– Рубен? – переспросила Анна. – Кто это?

– Еще один новый жилец, – тяжело вздохнул Николай Эдер. – Профессор истории. Он купил квартиру на первом этаже. Ту… в которой… которая принадлежала Изабелле. Не везет нам с соседями.

– Интересно… Ну что ж. Придется как-то решать эту проблему.

– С профессором? – обрадовался Николай. Собаки наводили на него такой священный ужас, что простое дело – войти в подъезд – превратилось для него в нелегкое испытание.

– С Фаридом, – разочаровала его Анна Наумовна. – Как, кстати, его фамилия?

– Гордеев. Только не говорите ему, что я вам все рассказал!

– Но почему вы не сообщили об этом спортзале в квартире? Нужно было в ЖЭК, или в милицию…

– Квартира ваша, вы и сообщайте! – срывающимся от страха голосом выпалил Николай. – А я не хочу связываться! Не могу! Я боюсь, если хотите знать! Да, боюсь! Этот Гордеев бандит! Ему человека убить – что муху прихлопнуть!

– Он что, уже убил кого-то?

– Наверняка! Где он был столько времени? Почему не жил дома? Скрывался? Конечно! Прятался от милиции. Я сразу догадался. У него глаза – как ледяные, ничего не выражают. Посмотришь, и жуть берет! Вы будьте осторожнее. С ним так просто не справиться. Возьмите с собой милиционера, а еще лучше нескольких! И с оружием!

– Вы не преувеличиваете? – улыбнулась Анна Наумовна. – По-моему, господин Гордеев совсем не так грозен.

– Вы просто не понимаете. Вы женщина, и в таких вещах не разбираетесь. Фарид разговаривает только на одном языке, и это язык силы!

– Спасибо за предупреждение.

Николай Эдер вздохнул с облегчением. Слава богу, вернулась хозяйка, пусть теперь и разбирается, кто занял ее квартиру и почему. Как ему надоело находиться между двух огней – с одной стороны хозяйка квартиры, с другой – этот ужасный Фарид Гордеев! Права была мама, когда говорила, что мир – это джунгли, и чтобы выживать в нем, надо быть хищником. Да что там хищником – динозавром надо быть! Иначе сожрут и косточек не оставят.

Анна Наумовна смеялась, представляя себе испуганное, растерянное лицо Николая. Бедняга! Трудно ему пришлось. Ну, ладно. Пожалуй, она знает, как уладить вопрос со спортзалом мирным путем, так, чтобы все были довольны.

ГЛАВА 6

Молочно-белый «мерседес» господина Салахова ехал в потоке машин в крайнем правом ряду. Над городом висел сырой, насыщенный дождем туман.

– Третий день льет, – вздыхая, пожаловался водитель, оглядываясь назад. – Теперь надолго! Вон как небо обложило.

Юрий смотрел, как дворники размазывают по стеклу капли. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки и раздражения. Прошло десять лет с тех пор, как он женился на Анне, но казалось, что это было вчера. Во всяком случае, он не намного продвинулся в понимании своей жены. Ее характер, желания, поступки оставались для него за семью замками. В ней существовала тайна, которую он не мог постичь, как ни старался.

Во-первых, разница в возрасте. Как ни любил он Анну, мысль о том, что годы делают свою разрушительную работу, приходила ему в голову. И что же в результате? Годы оказали воздействие на него, причем довольно ощутимое, но пощадили Анну. Юрий потерял былую форму, появились морщины, походка стала тяжелее, и по лестницам он уже не взбегает так легко, как раньше. А для Анны как будто ничего не изменилось! Если быть до конца честным, Анна выглядит моложе его.

– Что за ерунда! – пробормотал Юрий. – Это невозможно. Пластических операций она не делала, я бы знал.

– Простите, не расслышал, – обернулся шофер, думая, что хозяин обращается к нему.

– Я не тебе, – махнул рукой господин Салахов. – Нельзя ли побыстрее? Я на встречу опаздываю.

Сегодня утром у Юрия с женой вышла «сцена», из-за чего он не смог выйти из дому вовремя.

– Я вчера ходила в театральный дом, – сказала Анна за завтраком. – Представляешь, в моей квартире некий Фарид Гордеев устроил спортзал!

– Что?

– В моей квартире спортзал! – блестя глазами, повторила Анна.

– Этот… Гордеев арендовал у тебя жилье? – уточнил Юрий.

Он никак не мог взять в толк, о чем идет речь.

– Нет. Он просто занял помещение и проводит там тренировки. Что-то восточное… какие-то экзотические виды борьбы.

– Вот беспредел! – возмутился Юрий. – Я вышвырну оттуда этого тренера!

– Зачем? – удивилась Анна. – Юрочка, ты невероятно усложняешь жизнь!

– Но ведь надо что-то делать?

– Конечно! Я как раз хотела спросить, есть ли у тебя на примете надежная оффшорная компания?

Юрий сделал слишком большой глоток, и кофе попал ему в дыхательное горло. Он закашлялся, мучительно краснея под невинным, ясным взглядом Анны. Интересно, существуют ли еще в природе женщины, которые умеют так выводить из себя мужчину?

– Что с тобой? – подавляя смех, спросила она. – Не торопись так!

– При чем тут оффшорная компания? – откашлявшись, поинтересовался Юрий. – Какое отношение она может иметь к тому, что твою квартиру занял какой-то наглец и использует ее для своих нужд?

– Мне нужны деньги, – как ни в чем не бывало, продолжала жена. – Много денег. Чтобы Фарид Гордеев мог купить себе помещение для спортзала. Я хочу, чтобы оффшорная компания обналичила некоторую сумму с моего заграничного счета.

Час от часу не легче! Господин Салахов почувствовал, как волосы шевелятся у него на голове. Опять начинается! Он-то думал, что в Петербурге их семейная жизнь будет течь в нормальном русле, и вот…

– Ты собираешься дать этому Гордееву деньги?

– Ну да.

– А с какой стати?

Юрию с трудом удавалось сохранять спокойствие.

– Чтобы он освободил мою квартиру. Неужели непонятно? И как ты только ведешь свой бизнес, Юрочка? – проговорила Анна, подходя к нему сзади и обнимая за плечи. – Извини, но у тебя иногда бывают приступы тугодумия.

Она поцеловала его в свежевыбритую щеку и удовлетворенно вздохнула. В тридцать девять муж был все так же привлекателен для нее, как и десять лет назад. Время никогда не имело для нее значения. А теперь тем более.

– Послушай, Анна! Я… дело не в деньгах, но должен же быть во всем этом смысл? Нахала надо просто выгнать! Почему мы должны решать его проблемы?

– Разве ты всегда точно можешь отличить свои проблемы от чужих? В этом мире все так переплелось…

– С тобой невозможно разговаривать…

Анна согласно кивнула. Она вообще редко спорила.

Сейчас, по дороге в офис, Салахов прокручивал в памяти всю их совместную жизнь, с самого первого года. Три дня Анна жила с ним, а потом на три дня уходила. Когда об этом узнала его мама, у бедняжки чуть инфаркт не случился.

– Я говорила, что эта ужасная женщина погубит нашего сына! – в перерывах между приемами лекарств жаловалась она отцу Юрия. – Теперь ты сам видишь, как я была права!

Странностей хватало с самого дня свадьбы. Предупреждение Анны, что Юрий с ней скучать не будет, оправдывалось с лихвой. Особенно, когда они уехали за границу.

Побродив три дня по Лондону, она вдруг заявила, что хочет посмотреть, как проходят биржевые торги.

Биржа произвела на Анну неизгладимое впечатление. Несколько дней она ходила притихшая, погрузившись в серьезные размышления; покупала газеты, освещавшие состояние рынка ценных бумаг. Юрий недоумевал. Меньше всего он предполагал, что ее могут заинтересовать акции, котировки, инвестиции и прочая абракадабра, обычно наводящая на женщин смертельную тоску.

Но главный сюрприз ждал его впереди. Однажды, туманным лондонским утром, Анна сказала, что желает поучаствовать в торгах.

– Аннушка, – мягко произнес Юрий, – дорогая, ты хоть знаешь, что такое игра на бирже?

– В общих чертах, – весело ответила жена, явно забавляясь его замешательством. – А в чем проблема?

– У тебя же совершенно нет опыта. К тому же, нужен приличный стартовый капитал. Информация, аналитические выкладки тоже стоят немало. И вообще, зачем тебе это?

– Я подумаю, – уклончиво ответила Анна.

Господин Салахов понял, что отговаривать ее бесполезно, и решил – пусть попробует! Надо дать ей обжечься, чтобы надолго отбить охоту к подобным развлечениям. Он даже готов пожертвовать некоторой суммой. В конце концов, покой в семье дороже!

Тем временем Анна с головой окунулась в созерцание красот Англии и Шотландии. Она с упоением читала путеводители, ездила на экскурсии, бродила по старинным развалинам, обедала в дорогих ресторанах. Вечера ей нравилось проводить в казино. Юрий тайно ликовал, надеясь, что жена забыла о своей безумной затее с биржей. Пусть удовлетворяет

свою страсть к азартным играм за карточным столом или при помощи рулетки. Сам он был равнодушен к игре и, подавляя зевоту, отсиживал положенное время, пока Анна развлекалась. Странно, но она начала выигрывать. Юрий принял это за случайное везение.

По ночам Анна жаловалась на сырость и ледяное постельное белье. Кажется, Англия надоедала ей все больше. Юрий пришел в восторг, когда она попросилась в Италию, и предложил ей тур по Европе. Везде, где только было возможно, Анна посещала казино. У нее появились собственные деньги – она играла и выигрывала.

В Греции они объездили все побережье. Анне нравилось гулять по каменистым склонам, рассматривать обломки древних сооружений на вершинах холмов. В июле и августе она отправилась в Дельфы, любоваться руинами храмов Аполлона и Афины.

– Здесь звучали пророчества дельфийского оракула! – с восторгом говорила жена Юрию, который, изнывая от жары, носил за нею пакет с инжиром и гранатами.

Анна показывала ему остатки театра, стадиона и афинской сокровищницы, но супруг только зевал и вздыхал при мысли о прохладном душе и кондиционере. Пыльные, раскаленные камни, выжженная солнцем трава и обилие насекомых раздражали Юрия. Ему до чертиков надоели греческий табак, рыба и оливковое масло.

– Видишь вон ту гору? – показывала Анна вдаль. – Это знаменитый Парнас, приют муз!

Салахов с тоской взирал на теряющуюся в голубом мареве гору, мечтая о стакане ледяной воды и сырых туманах Питера.

Анна поняла состояние супруга и перестала таскать его за собой. Она вставала на рассвете, плескалась в ванной, надевала шорты, майку, соломенную шляпу и уходила на свои развалины. А Юрий оставался в номере, валялся до полудня в постели, обедал в гостиничном ресторане и только под вечер, когда жара немного спадала, принимался за дела – звонил в Россию, зарубежным партнерам, просматривал кое-какую информацию.

Периодически они летали в Петербург, но чаще это делал Юрий. Анне не нравились самолеты; она предпочитала наземный транспорт. Впрочем, в Италию они поехали морем. Голубые воды Адриатики расстилались до аквамаринового горизонта, берега казались написанными небрежной кистью импрессионистов.

– Хочу в Рим! – говорила Анна, обнимая Юрия и прижимаясь щекой к его щеке. – Мы будем бродить с тобой по руинам Колизея и бросать монетки в римские фонтаны!

Однако оказалось, что итальянский рынок ценных бумаг привлекал ее гораздо больше знаменитых развалин. У Юрия начался сильный приступ мигрени, когда Анна, невинно блестя глазами, попросила, чтобы супруг подыскал ей надежного брокера. Салахов открыл было рот, чтобы в очередной раз сообщить жене свое компетентное мнение на этот счет, но, вспомнив, как в предыдущий раз это не возымело никакого действия, передумал.

Найдя по своим каналам подходящую кандидатуру, Юрий поручил ему приобретать для Анны заведомо негодные бумаги и поставить ее перед фактом полной неудачи, показав наглядно, чем кончаются подобные авантюрные затеи. Он не жалел денег, чтобы компенсировать брокеру моральный и материальный ущерб, лишь бы доказать Анне, как нелеп этот ее безумный каприз.

Красивый, жгучий итальянец долго не мог сообразить, в чем заключается просьба русского господина.

– Если я буду скупать для клиента дрянные акции, моя репутация пострадает. Ваша супруга может подать на меня в суд! – нервно моргая, объяснял он Юрию ситуацию. – Клиент будет недоволен, он поднимет скандал! И я ничего не заработаю! Никаких комиссионных!

Предложенная господином Салаховым сумма «за услуги» охладила его протест.

– Ладно, – согласился он. – Русские такие странные! Я выполню вашу просьбу. Но если ваша супруга сама будет указывать…

– Не будет, – перебил его Юрий. – Она в этом ничего не понимает! Абсолютно ничего!

Успокоившись, он, пряча улыбку, наблюдал, как Анна связывается с брокером по телефону и слушает его советы. По вечерам, за ужином, она просматривала бюллетени фондовых бирж, рейтинги и специализированные журналы. Юрий не вмешивался и ждал, когда эта блажь пройдет. Он даже съездил в несколько магазинов и купил подарок для жены – прелестный курительный набор, пепельница, табакерка, шкатулка для сигарет и мундштук, все серебряное, расписанное чудесными эмалями и инкрустированное золотом. Это послужит утешением для Анны, когда она расстроится, потерпев сокрушительное фиаско на бирже.

Через пару дней Юрию позвонил брокер и сообщил, что «супруга господина Салахова» отклонила все его предложения как неподходящие и сама давала указания, что покупать, а что и когда продавать.

– У вашей жены удивительное чутье, господин Салахов! – возбужденно тараторил итальянец, так что Юрий морщился и держал трубку на некотором отдалении от уха. – Она не оставила мне выбора, и мы оба сумели заработать благодаря ее настойчивости!

– Но вы объясняли ей? – упавшим голосом поинтересовался Юрий. – Вы делали то, что я просил?

– Разумеется! Только… госпожа Анна не стала меня слушать…

– Понятно. Не обращайте внимания. Это везение новичка. Наберитесь терпения, и мы с вами добьемся своего.

Юрий действительно так думал. Он был уверен, что успех Анны – временный. Тут как раз позвонил из России вице-президент компании, и Салахов уехал, предоставив Анне свободно развлекаться игрой на бирже.

В Петербурге он ушел в дела с головой и забыл о капризах жены. Во время ежедневных телефонных разговоров он шептал только, как скучает по ней и ждет встречи. Это было правдой. Жизнь с Анной летела, как стремительный, навеянный мечтами сон… призрачный и непонятный. Но лишиться его казалось невозможным.

Спустя два месяца Юрий вернулся в Италию и застал Анну за компьютером.

Они снимали небольшую виллу на побережье, окруженную оливами, апельсиновыми деревьями и виноградниками. Каменный дворик, сохранявший прохладу в самый сильный зной, служил им местом отдыха и любви. Из прислуги наняли только кухарку и приходящую работницу, которая убирала в доме, стирала и ухаживала за маленьким садом. Анне необычайно нравился такой образ жизни – праздный и беззаботный. Поэтому господин Салахов никак не ожидал увидеть ее за работой.

– Ты купила компьютер? – удивился он. – Но почему? Могла бы пользоваться моим…

– Не хотелось тебе мешать, – ласково ответила Анна, целуя его. – Я установила выделенный канал, подключенный к сети аналитической информации по фондовым рынкам. Зачем же я буду то и дело тебя беспокоить? Так и мне удобно, и тебе хорошо.

Юрий почувствовал, как горячая волна возмущения и досады затопила его. Он с трудом сдержался, чтобы не спросить, откуда деньги на все это. В конце концов, какая разница? Узнает позже. Он сделал вид, что не особо интересуется, что происходит, и начал распаковывать вещи.

– Как Петербург? – спросила Анна, но было заметно, что это только вежливость.

Юрий все же стал рассказывать. Она рассеянно слушала, глядя, как он разбирает чемоданы. В Петербурге туман, дожди… Дела по многим направлениям идут неплохо, а кое-где без пристального внимания хозяина пришли в беспорядок.

– Знаешь, Аннушка, я был так занят, что даже ни разу телевизор не смотрел. Приходил домой и валился спать, а иногда оставался в офисе, на диване. Торопился все уладить, чтобы быстрее вернуться к тебе.

После разлуки им было сладко любить друг друга. В открытые окна огромной спальни доносился шум прибоя. Тело Анны, гладкое и мягкое, какое-то расслабленно-ленивое, всегда возбуждало его…

Потом Юрий сквозь сон видел, как Анна встала, накинула шелковый пеньюар и выскользнула за дверь. Проклиная себя за подозрительность, он прислушался. Жена вызывала по телефону такси. Интересно, почему она делает это тайком? Ему тут же стало стыдно за свои мысли – скорее всего, Анна просто не хотела его будить.

Тем не менее, услышав звук отъезжающей машины, господин Салахов встал и принялся ходить по комнате взад-вперед. Чем больше он думал, тем сильнее им овладевала тревога. А что, если Анна попала в неприятности из-за биржевых игр? Вдруг она много задолжала? Оставив ее одну в таком непривычном для нее и опасном деле, он способствовал тому, что беззащитная, неопытная женщина послужила легкой добычей для финансовых мошенников. Юрий упустил из виду, что сам просил брокера-итальянца обманывать Анну и скупать для нее негодные акции. Он просто хотел уберечь ее от серьезного провала. Потерпев первые мелкие неудачи, она откажется от игры и тем самым избежит многих бед. Но в расчеты Юрия вкралась ошибка, и все пошло не так, как было задумано. Впрочем, с Анной всегда получалось не то, что ожидалось.

Господин Салахов глубоко вздохнул и понял, что уже несколько минут смотрит на ящик комода, в котором Анна держала деньги, часы, драгоценности, записные книжки и прочие женские штучки. Уговаривая себя, что делает это из лучших побуждений и заботясь о безопасности жены, Юрий открыл ящик и бегло осмотрел содержимое. Несколько небрежно сложенных листков бумаги привлекли его внимание. Это оказались банковские распечатки с информацией о движении денег по счетам.

Юрий до сих пор помнил то ощущение – сердце подпрыгнуло к горлу и остановилось. Он смотрел и не верил своим глазам. Суммы, указанные в распечатках, были более чем солидные. Значит, Анна… Нет, этого не может быть! Разве что ей помогал кто-то невероятно умный и проницательный, как сам дьявол. Черт! Вот так сюрприз!

Юрий долго привыкал к новым реалиям, которые преподносила ему жизнь. Вопреки его намерениям, Анна вовсю участвовала в биржевых торгах, причем успешно. Она заработала много денег, и теперь возник вопрос: зачем ей деньги? Супруг был вполне способен удовлетворить любую ее прихоть, он ни в чем ей не отказывал. Откуда это стремление к казино, бирже? А главное, как Анне удавалось обходить подводные камни и избегать неудач?

Беспокойство Юрия сменилось ревностью. В сущности, он даже толком не знал, как его жена проводила время в его отсутствие. Он занимался бизнесом, часто ездил в Россию, и Анна неохотно соглашалась сопровождать его. Она говорила, что любит посещать исторические развалины… но где она бывала на самом деле? Два раза она ездила в Милан, якобы послушать оперу в знаменитом «Ла Скала». Из Милана Анна ни разу не позвонила. Юрий страшно волновался и вздохнул с облегчением только когда увидел ее на пороге гостиницы, беседующей с незнакомым мужчиной странного вида.

У господина Салахова родилась мысль – а не нанять ли ему частного детектива? Но следить за женой казалось ему низким. К тому же это была чужая страна, со своими порядками и взглядами на жизнь. Что подумают о русском предпринимателе, который нанимает сыщика следить за собственной супругой?

Тогда Юрий не решился на подобный шаг, и вот теперь, уже дома, ему снова пришла в голову эта мысль.

– Приехали, Юрий Арсеньевич, – сказал шофер, возвращая господина Салахова к действительности.

Поднимаясь по лестнице в свой кабинет, Юрий мысленно вернулся к утреннему разговору с женой. Что за ерунда? Какой-то Фарид, какой-то спортзал… Черт знает что! Неужели

Анна хочет вот так просто дать этому бандиту, самовольно забравшемуся в ее квартиру, деньги?

– Люба! – громко, недовольно сказал он, соединившись с секретаршей. – Приготовьте мне информацию по оффшорным компаниям и зайдите.

– Хорошо, Юрий Арсеньевич, – пропела Любочка, тая от удовольствия.

– Побыстрее, пожалуйста, – уже мягче добавил господин Салахов.

Заискивающая интонация секретарши неожиданно произвела благоприятное впечатление. Анна никогда не говорила с ним таким тоном. Она всегда была на своем Олимпе – сияющая и недостижимая, как звезда. Она никогда не отчитывалась, не оправдывалась, предоставляя ему свободу думать все что угодно. Она никогда не чувствовала себя виноватой, не выясняла отношений. С ней было трудно! Юрий иногда сравнивал себя с альпинистом, который забрался так высоко, что силы кончаются и не хватает кислорода для дыхания.

Он потер виски и сделал глубокий вдох. Проклятие! Надо все выяснить, или он сойдет с ума. Юрий еще немного подумал и позвонил в адвокатскую контору Мерцалова.

– Саша! Рад тебя слышать. У меня к тебе щекотливый вопрос. Не можешь порекомендовать хорошего частного сыщика? Порядочность обязательна.

– Понял. – Мерцалов не задавал лишних вопросов. Он прикидывал, кто подойдет такому клиенту, как Салахов. – Есть один парень, из бывших оперов. Классный мужик. Берется только за то, что ему интересно.

– А деньги его интересуют?

– Только большие! – усмехнулся Мерцалов.

– Это славно. Давай телефон.

И Мерцалов продиктовал господину Салахову телефон Артема Пономарева.

ГЛАВА 7

– И что? Она обещала дать тебе денег?

У Коры были узкие, как у японки, глаза, а то бы они давно вылезли из орбит.

– Тебя это удивляет? – спросил Фарид.

Кору Танг он знал с тех пор, как она пришла к нему заниматься боевыми искусствами Востока. Девушка уже имела некоторые навыки в карате и дзюдо, но ей хотелось большего. Она была невысокая, тоненькая, но очень крепкая, с отлично развитыми мышцами. Длинные блестящие волосы, собранные сзади в хвост, доходили до талии, кожа имела чуть желтоватый оттенок. В первый момент Фариду показалось, что это Йоко. Но девушка заговорила и господин Гордеев понял свою ошибку. Голос Йоко звучал, как нежный мелодичный колокольчик, а эта юная дама разговаривала резко и с хрипотцой. Но все равно она ему понравилась.

Фарид тряхнул головой, пытаясь отогнать непрошеные воспоминания. Кора уже несколько минут объясняла ему что-то.

– Ты слушаешь?

Он машинально кивнул, пытаясь уловить ее мысль. Кажется, Кора не понимает, какую цель преследует хозяйка квартиры, предлагая такую огромную сумму.

– Ну? Что ты об этом думаешь?

– Она необычная женщина… думаю, у нее нет корыстных мотивов.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую.

– Подумаешь, какой чувствительный! – взвилась от негодования Кора. – Такими деньгами просто так не бросаются! Она хочет, чтобы ты попал к ней в кабалу! Был ее рабом!

– Зачем? По-моему, она достаточно обеспеченная дама, может нанять себе охранника, если надо. Причем за гораздо меньшую цену.

– А любовника?

– Тем более! В этом мире покупается и продается почти все.

– Почти?..

Фарид кивнул.

– Мой учитель говорил: нельзя купить талант, ибо он рождается вдохновением; нельзя купить чистую любовь, ибо она – дар Богов. Все остальное можно обменять на деньги.

Кора Танг возмущенно фыркнула. Разговоры о высших материях крайне раздражали ее.

– Чем философствовать, лучше подумай, как будешь рассчитываться со своей благодетельницей.

– Она сказала, что я ей ничего не должен.

– Вот как? Это еще интереснее, чем я предполагала. Даже захотелось посмотреть на нее. Что за чудо такое заморское? Как она выглядит? Кривая, рябая, хромая и горбатая?

– Да нет… – улыбнулся Фарид. – Красивая, изящная женщина.

– Сколько ей лет?

– Ну… за тридцать, наверное… но выглядит моложе.

– Муж у нее есть?

– Не знаю… А что?

– Вот только не надо строить из себя наивного мальчика! – в очередной раз взорвалась Кора. – Вдруг ее мужик ни сном, ни духом не ведает, что творит его полоумная женушка? А когда хватится, куда она его денежки пристроила, придет в неописуемый восторг! Узнай

хотя бы, кто сия госпожа Щедрость и откуда у нее столько зелени. Может, это воровской общак какой-нибудь.

– Не может быть! – опешил Фарид. – Ни на воровку, ни на интриганку она не похожа… видно же по человеку!

– Понятно. – Кора Танг одарила Фарида таким взглядом, что у него дернулась щека. – То есть ни имени, ни фамилии ее ты не знаешь. И кто она такая – тоже! Потрясающе! Браво, мистер Гордеев! На конкурсе простофиль и лохов тебе не было бы равных.

– Подожди. Она хозяйка этой квартиры, значит, в ЖЭКе должны быть какие-то данные. В конце концов, можно навести справки…

– Придется мне этим заняться, – перебила Кора. – Кажется, ты полностью попал под влияние этой дамочки. Она тебе так мозги запудрила, что ты думать разучился! К счастью, меня не так легко провести.

Девушка развернулась и, кипя от досады, выскочила из квартиры, хлопнув дверью. До сих пор Фарид ни разу не видел Кору в таком бешенстве. Что это с ней?

Кора Танг, в свою очередь, была вне себя от злости на Фарида. Как можно быть таким доверчивым? Она шла по улице, не чуя под собой ног; в голове роились беспокойные мысли. Неизвестная «меценатка» хочет отнять у нее Фарида? Или это просто сумасшедшая, которой деньги девать некуда?

Кора ненавидела меценатов и «денежные мешки», которые позволяют себе покупать то, что должно доставаться более способным. Когда-то давно, будучи гимнасткой, она лишилась заслуженной победы из-за такого вот «богатого дяденьки». Ему, видите ли, хотелось, чтобы на первой ступеньке пьедестала стояла его дочка! И он купил судей, организаторов соревнований – всех, кого надо. Кора осталась ни с чем. Изнурительные тренировки, пот, кровавые мозоли, слезы и боль – все было напрасно. Она выступила блестяще, а первое место отдали ленивой и неповоротливой девице…

Кора Танг бросила гимнастику и большой спорт. Она поняла, что денег на то, чтобы «побеждать», у нее нет и в ближайшем будущем не будет. Ее отец-кореец рано умер, и Кору воспитывала мама, робкая и болезненная женщина. Она работала уборщицей в спортивном комплексе, и ей разрешали водить девочку в секцию гимнастики бесплатно.

В школе Кору дразнили «китаезой», и она рано пришла к выводу, что жизнь – это борьба, причем далеко не всегда честная, и начала отращивать «зубы» и «когти».

После школы Кора Танг занялась торговлей. Зарабатывая деньги на то, чтобы жить более-менее прилично, заочно училась в институте физкультуры. Чтобы уметь постоять за себя, Кора занялась боевыми искусствами. Восточная философия привлекала ее «иллюзией умиротворения», как она говорила. Это увлечение и привело ее в спортивный зал, где она познакомилась с Фаридом и сразу же влюбилась в него.

До этого мужчины для Коры не существовали. Она их просто не замечала. Ей приходилось выживать в одиночку, и этой борьбе со стихией девушка отдавала все свои силы.

Но все постепенно улаживается, наладилась и жизнь Коры Танг. Она могла позволить себе платные занятия боевыми искусствами – и тут с удивлением обнаружила, что она не только спортсменка, но и женщина, которая хочет любви. Их отношения с Фаридом Гордеевым сложились легко и удачно. Кора оттаяла, почувствовала, что в жизни могут быть радость и приятные переживания. Секс до сих пор оставался для нее как бы за кадром. То есть она знала, что он существует, но чисто теоретически. Практика позволила Коре открыть в себе нечто новое, неизведанное – взрывной, горячий женский темперамент. Это потрясло ее. Она привязалась к Фариду, испытывая сильнейшее влечение, неутолимую жажду все новых и новых наслаждений. Оба были восточными людьми, каждый по-своему – необузданными, жаркими и безрассудными во всем, что касалось страсти и удовольствий.

И вдруг в жизнь и судьбу Коры Танг снова собираются вмешаться деньги! Откуда ни возьмись является некая дама и предлагает Фариду кучу баксов за то, чтобы он убрался из незаконно занятой им квартиры! Где это видано?

Нет, подобное «просто так» не случается! Это Кора усвоила очень хорошо. За деньгами всегда стоят определенные цели. И она должна выяснить, что это за цели.

Так прошел год…

«Кажется, именно на этом месте я остановился», – подумал Артем, вновь принимаясь за чтение. Что он надеялся отыскать в этих записках? Ответ на вопрос, который не давал ему покоя: что заставляет людей лишать жизни себе подобных? Ведь есть же причина! Ее нужно отыскать, и тогда все станет ясно. Тогда больше не останется ни одного «почему», и в следующем подобном случае истина будет установлена гораздо быстрее.

Так прошел год… и я все сильнее любил и ненавидел женщин. Я понял, что главная, настоящая их сущность всегда спрятана за семью замками. Дешевая комедия, которую они ломают, больше никогда меня не обманет. Не стоит на них злиться из-за этого, ибо они не ведают, что творят. К Нине я больше не испытывал никаких чувств. Она потеряла для меня былую привлекательность, словно кукла, которую я рассмотрел как следует и убедился, что она сделана грубо и бездарно.

Подошли к концу школьные годы. На выпускной вечер я не пошел. Получив аттестат, я вернулся домой и впервые в жизни напился. До сих пор не знаю, почему вдруг на меня навалилась тоска. Родители, увидев меня пьяным, решили, что мне жаль расставаться с одноклассниками, учителями и беззаботной, веселой юностью. Как они мало меня понимали!

На следующее утро я заявил им, что не буду никуда поступать, а хочу годик поработать с отцом, присмотреться, что к чему, и выбрать себе профессию по душе. Мама растерянно мочала, отец же одобрительно похлопал меня по плечу и сказал, что со своей стороны сделает все возможное.

Через пару месяцев он устроил меня санитаром в морг. Мой отец возглавлял кафедру патанатомии и всю свою жизнь занимался вскрытием трупов. Он говорил, что установить истинную причину смерти очень важно, и это двигает медицину вперед. Возможно, он был прав, но мама не особенно стремилась рассказывать знакомым, какая специализация у отца».

Морг не явился для меня чем-то новым и шокирующим – я и раньше проводил там некоторое время. То приносил обед отцу, то помогал ему в работе, – естественно, ничего серьезного он мне не доверял.

Вид мертвых тел не вызывал у меня ни отвращения, ни суеверного страха. Иногда было противно смотреть на обезображенные трупы, но такое бывало очень редко. В основном покойники поступали недавно умершие и вполне пристойно выглядевшие. Так что ничего ужасного в своей работе я не находил.

Однажды произошло событие… ставшее для меня судьбоносным. Явившись утром на работу, я увидел в коридоре труп, который привезли с места автомобильной аварии. Это была молодая женщина – из-под грязной простыни, которой ее накрыли, свисали длинные спутанные волосы. Они сразу показались мне знакомыми. Мое сердце дрогнуло, узнав мертвую быстрее, чем это сделал ум. Не смея признаться самому себе, что попавшая под машину девушка – та Нина, которая едва не свела меня с ума, я захотел остаться с ней наедине. Пусть никто не нарушит нашего с ней интимного свидания.

Дождавшись, пока все разойдутся, я на негнущихся ногах подошел к ней, моей Единственной… Принцессе моих грез… и откинул простыню. Она была даже красивее, чем

при жизни, – бледная, покрытая синяками и ссадинами, но такая спокойная, неподвижная и покорная, что у меня захватило дух. Я долго любовался ею, не в силах отвести глаз от ее прекрасного тела… от ее запрокинутого лица, полного невыразимого сожаления… Может быть, мне это показалось – что она сейчас хочет быть моей, – но сильное, мучительное желание потрясло меня. Не соображая до конца, что происходит, я овладел ею… Она была восхитительной любовницей – неприхотливой, милой и довольной всем, что я для нее делал. Разве живая женщина способна так отдаваться! Только теперь, мертвая, она полюбила меня, она смогла, наконец, оценить меня по достоинству! Она… У меня нет слов, чтобы выразить восторг, испытанный тогда нами обоими. Нет слов. Только вздохи и стоны сердца могут передать тот экстаз полного и безраздельного слияния наших тел, то чудное, непередаваемое ощущение моей полной власти над Ниной. Потому что теперь с нее упала притворная маска, за которой она пряталась от меня. Моя Принцесса превратилась из размалеванной и фальшивой куклы в настоящую, истинную женщину, которая была счастлива принимать мои ласки и дарить мне любовь. Такой она была мне близка и понятна.

Я знал, что разлука неминуема, что наше свидание не может длиться бесконечно. И отпустил мою Принцессу в далекое путешествие… Иногда она приходит ко мне в снах – холодная и неподвижная, как Снежная Королева. У нее нет и не будет соперниц среди живых, потому что только смерть делает женщину настоящей! Мертвая – она всецело моя. Мне не придется делить ее более ни с одним мужчиной. Только одни объятия примут ее после моего триумфа – объятия могилы!

Это ли не роковая драма, которой нет равных? Это ли не любовь, достойная быть воспетой в стихах, написанных кровью сердца?

О, мой кумир! Отрада моих дней!
Я по тебе затосковал навеки…
Закрытые, твои не дрогнут веки,
Не пробежит слеза вновь по щеке твоей.
И никогда уж ты не засмеешься,
Не оттолкнешь, капризная, меня.
И не изменишь мне, не назовешься
Чужой избранницей, прелестная моя…

Много длинных поэм и чувственных стихотворений написал я тогда, под впечатлением своей первой близости с женщиной. Это были стенания заблудшей души, разрывающейся между любовью и смертью. Никогда впоследствии я не мог испытать такого желания к живой женщине и пережить с нею такой же экстаз!..

Звонок телефона, как всегда, прервал Артема и заставил его отвлечься от сексуальных откровений «Принца». Что-что, а скромность этому герою-любовнику явно не помешала бы!

– Алло, – недовольно ответил сыщик.

Он не любил, когда его останавливали в самом интересном месте.

– Господин Пономарев?

– Он самый.

– Мне дал ваш телефон Александр Мерцалов.

– Саша?

Артему захотелось трижды плюнуть через левое плечо. Участники старой истории один за другим, как по команде, являлись из прошлого. С Сашей Мерцаловым Артем не встречался уже года три. Тогда, десять лет назад, адвокат Мерцалов проходил сначала подозреваемым, а потом свидетелем по делу об убийстве Авроры Городецкой. Оказалось, что он ни при чем, но нервы ему здорово потрепали. Пономарев приложил немало усилий, чтобы помочь Мерцалову выпутаться. Тот оценил услугу.

– Я у тебя в долгу, Тема! – с чувством сказал он, обнимая сыщика. – Ты можешь рассчитывать на меня в трудную минуту.

Пономарев растрогался, вспомнил детство, потому что Темой его называла только бабушка, незабвенная и горячо любимая. С тех пор он относился к Мерцалову с теплотой и был рад его редким звонкам. Саша не навязывался с дружбой, но когда Артем переживал трудные дни, посылал ему клиентов и давал необходимые советы. Потом, как водится, их отношения становились все прохладнее, встречи все реже, и в последние три года прекратились. И вот… снова клиент от Мерцалова.

– Чем могу быть полезен? – поинтересовался Артем, замирая от нехорошего предчувствия.

– Прежде чем изложить суть дела, я бы хотел узнать о гарантиях. Вы можете обещать полную конфиденциальность? У меня деликатная просьба…

– Разумеется. Неразглашение – это основа моей работы. Итак?

– Мне бы хотелось, чтобы вы… проследили за моей женой. Поверьте, я не ревнивец и не собираюсь затевать бракоразводный процесс. Но… меня кое-что настораживает в ее поведении. Вы женаты?

– Да.

– Тогда вам легче будет меня понять, господин Пономарев. Видите ли, я люблю жену и беспокоюсь о ее безопасности. Я не могу допустить, чтобы с ней случилась беда.

– А почему вы сами с ней откровенно не поговорите? Не расспросите ее? Может быть, тогда мои услуги и не понадобятся.

– Неужели вы думаете, что я не испробовал все, прежде чем обратиться к вам? – настаивал неизвестный мужчина.

– Простите… вы не представились…

– Салахов, Юрий Арсеньевич. Вам знакомо мое имя?

– Немного. Во всяком случае, я знаю, что вы платежеспособны, так что продолжайте.

Салахов засмеялся. Артем Пономарев ему явно импонировал.

– Тогда я, с вашего позволения, объясню, что меня волнует. Моя жена купила квартиру. Это было давно. Время от времени она туда наведывалась, а потом мы уехали за границу. Оставили ключи соседям, чтобы присматривали. Это собственность жены, так что я не хотел вмешиваться и предоставил ей полную свободу. Недавно мы вернулись в Петербург, и оказалось, что во время нашего отсутствия некий молодой человек занял эту квартиру и устроил в ней спортзал. Что же собирается делать моя жена? Думаете, выгнать его? Ничего подобного. Она хочет выплатить ему кругленькую сумму, чтобы он соблаговолил купить себе другое помещение и съехать. Как вам это нравится?

– Не могу не согласиться с вами, господин Салахов, выглядит это странно, – сказал Артем, уже догадываясь, о какой квартире идет речь. Воистину, наступило время сюрпризов!

– Вот и я так считаю! – вздохнул Салахов. – Вы мне поможете выяснить, что происходит? Я хорошо заплачу. Только… ради бога, выясняйте все крайне осторожно. Если жена узнает, она мне не простит!

– Может быть, не стоит рисковать? Раз ваша супруга…

– Нет! – перебил его Юрий Арсеньевич. – Я должен знать! Я больше не могу оставаться в неведении. У меня сон пропал от этих мыслей!

– Хорошо, – согласился Артем. – Но я предупреждаю вас, что у меня нет ни времени, ни людей для основательной слежки…

– Что вы! Какие люди? Я рассчитываю только на вас, господин Пономарев. И настоятельно прошу больше никого не вмешивать. То, что знают двое, уже не тайна! Так что я все понимаю и не буду вас торопить. Если сможете немного пролить свет на то, что происходит

вокруг моей жены, я буду вам благодарен. Не сможете… значит, я оплачу текущие расходы и потраченное вами время. Никаких претензий с моей стороны.

– С вами приятно иметь дело, господин Салахов. Боюсь, вы меня уговорили. То есть я почти согласен.

Юрий Арсеньевич вздохнул с облегчением. По крайней мере, теперь он не будет один на один со своим непониманием.

– Я рад, что нам удалось договориться, – искренне сказал Салахов. – Есть ко мне еще вопросы?

– Что в поведении вашей жены кажется вам особенно странным? – на всякий случай поинтересовался Артем.

– Ну… ее стремление иметь свои деньги. Я человек обеспеченный, и жена ни в чем не нуждается. А ее то в казино тянет, то на биржу. Зачем?

Артем вдруг вспомнил Альшванга. Тот тоже регулярно посещал казино. А потом его квартиру купила супруга господина Салахова, и снова на повестке дня казино! Совпадение?

– И еще… – помешал его размышлениям Юрий Арсеньевич. – Она… куда-то ходит, тайком. Хотелось бы узнать, куда. Это началось еще во время нашего свадебного путешествия. И с тех пор продолжается.

– Понятно. Назовите мне свой адрес, а также адрес квартиры, которую купила ваша жена. Как ее зовут, кстати?

– Анна Наумовна Левитина. Она не стала менять фамилию.

«Так я и знал», – подумал Артем, записывая адреса. Квартира та самая, и дама тоже!

– Между прочим, я живу в театральном доме, так что мы с вашей женой, в некотором роде, соседи.

На том конце трубки повисло молчание.

– Вы шутите? – растерянно спросил Салахов.

– Если бы! Но ее фотография мне все-таки понадобится.

– Завтра она у вас будет.

ГЛАВА 8

Анна еле дождалась, пока необходимая сумма денег будет обналичена, и сразу решила ехать к Фариду. Юрий делал вид, что его не интересует, зачем ей деньги и куда она собирается их потратить.

– Дорогой, – сказала она ему за завтраком. – Я ведь не контролирую твои финансы. Как ты их зарабатываешь и тратишь – твое дело.

Господин Салахов чуть не подавился хрустящим рогаликом, обильно посыпанным сахарной пудрой. Он действительно думал о том, что у Анны странные причуды, и характер далеко не тот, каким казался. А главное – годы совместной жизни ничего не прибавили Юрию в понимании жены. Он вообще не заметил, как они пролетели, эти десять лет. Будто он заснул после свадьбы, и проснулся только сейчас, за этим круглым столом, накрытым кружевной скатертью. Перед ним сидит Анна, еще моложе, чем была, еще более таинственная и непостижимая, и улыбается. Ей все как с гуся вода! Когда Юрий женился, он думал, что будет ее покровителем, защитником, станет осыпать ее деньгами и подарками, возить на модные курорты, в Альпы, на Канары. Он думал, что сумеет дать Анне все, чего только ее душа пожелает, и сделает ее счастливой и беззаботной. Разве мог он предположить появление в их жизни казино, биржи, тайных исчезновений Анны и ее скрытой от мужа, второй жизни?

– Ни второй, ни третьей жизни у человека нет и быть не может, – усмехнулась жена, снова поймав его на крамольных мыслях. – Жизнь одна, как дорога без конца и края.

Господин Салахов пил вторую чашку кофе, машинально наливая и не замечая этого. Возможно, он выпил бы и третью, но за ним пришла машина. Разговора с Анной не получилось. Он просто не знал, что говорить. С таким трудом придуманные слова казались пустыми и глупыми, как только он открывал рот и встречался с глубоким взглядом супруги.

– Прости, Аннушка, мне пора! – сказал он, поспешно вскакивая со стула и целуя жену в щеку. – Опаздываю.

Спускаясь по лестнице в сопровождении охранников, сидя на заднем сиденье автомобиля, господин Салахов не мог отделаться от мысли, что женился он на одной женщине, спит с другой, а разговаривает с третьей. Нет, иногда эти женщины как бы сливалась в одну, ту самую госпожу Левитину, с которой он познакомился и в которую влюбился стремительно и бесповоротно. Роковая страсть! Теперь он знал, что это такое. Но… в постели, ночью… Анна была такая нежная, юная, стыдливая… она казалась неопытной девочкой, и это сильно возбуждало Юрия – он чувствовал себя мужественным и сильным, способным нести ответственность за них обоих. В любовной игре она отдавала ему ведущую роль. У нее были свои пристрастия и свои требования к любовнику, но она умела их завуалировать и незаметно добиваться от него желаемого. Ее вкусы в постели Юрий изучил лучше всего. А вот все остальное…

Черт! Он дошел до того, что нанял сыщика!

«Я бы никогда не сделал этого шага, если бы не любил Анну так сильно и не боялся ее потерять», – твердил он сам себе.

Иногда он вспоминал, что послужило причиной знакомства с госпожой Левитиной. Его тщательно скрываемый страх сойти с ума и желание разгадать тайну анонимных писем слились в одно – непрерывную боль где-то внутри. Он хотел избежать безумия, и вроде бы ему это удалось. Но разве не самое настоящее безумие – его любовь к Анне? Да, она помогла ему обрести равновесие и успокоила его душу, подсказав выход из положения. То, что так его волновало, наконец разрешилось. А теперь в его жизни появилась новая тайна, еще более запутанная… Боже, как он устал!

Интересно, что сейчас делает Анна? Наверное, поехала к этому «тренеру». И почему она не попросила у Юрия машину с охраной? Повезет такие деньги в такси! Ее своеволие переходит всякие границы разумного.

Господин Салахов почувствовал, что у него начинается головная боль. Ну вот! Теперь целый день придется заниматься делами с этой жуткой ломотой в висках!

В офисе его встретила Люба с приветливой улыбкой, неизменно ровным настроением. Юрий после своего возвращения в Питер словно впервые ее увидел. Годы не прошли для нее бесследно, как и для него. Из тоненькой длинноногой девушки секретарша превратилась в прелестную молодую женщину, и морщинки, залегшие между бровей, под глазами и у губ, ничуть ее не портили. Элегантный костюм, белоснежная блузка, прическа и маникюр делали Любочку неприступно-официальной, но только не для Юрия. Он, наконец, заметил, как начинает светиться ее лицо, стоит ему переступить порог приемной.

Вот простая, обыкновенная женщина, которая не будет ничего скрывать, окутывать туманом и пускаться в какие-то дикие, необъяснимые авантюры, подумал он.

– Давайте поужинаем сегодня вместе, по случаю моего приезда, – неожиданно вырвалось у него.

Любочка вся засияла, как фианиты в ее колечках. «Свершилось! – ликовала она. – Юрий Арсеньевич устал от своей старой супруги, как и должно было быть. Наступает мое время, и уж я-то своего на этот раз не упущу!»

– Как мы все вас ждали, Юрий Арсеньевич! – пропела она, опуская густо покрытые тушью ресницы. – Теперь все будет по-другому.

«Что она имеет в виду?» – подумал Салахов. Он был готов поклясться, что Любочка едва не заплакала от радости.

Анна действительно позвонила Фариду Гордееву сразу же после ухода мужа. Тот подумал немного, быстренько отправил всех спортсменов восвояси и сбегал в магазин за хорошим вином. Такая женщина, как Анна Наумовна Левитина, встретилась ему впервые. В ней ощущалось что-то непонятное… Она напоминала Фариду гейшу, хотя в ней не было ровным счетом ничего восточного. И почему, собственно, гейшу? В Анне Наумовне скорее можно заметить черты повелительницы… Непонятная дама! Отчасти Кора была права насчет денег. Сумма огромная, а госпожа Левитина не ставит никаких условий, не требует процентов, вообще ничего! Разве это не странно? Какое ей дело до Фарида и его спортивного бизнеса? Заниматься восточными боевыми искусствами, она, конечно же, не собирается, это была шутка, которую Гордеев принял за правду.

– О чем задумались, господин Гордеев? – спросила Анна Наумовна, уже минуту наблюдая за тяжкими муками мыслительного процесса, протекающего в голове Фарида.

– О вас, – сразу ответил он, поднимая на гостью темные глаза.

– Мне нравится, когда мужчины думают обо мне, – сказала она, присаживаясь на край стула. – И что вы обо мне думаете?

Фарид неопределенно развел руками. Анна Наумовна любила, когда сильные мужчины, такие, как Гордеев, терялись и не знали, как себя вести. Это ее забавляло.

– Вы смутили меня, – признался он. – Но я соберусь с мыслями и все-таки отвечу.

– Я подожду. Только не очень долго. У меня бурный темперамент, – она засмеялась. – Ну, куда побрели ваши мысли? Неужели, подобно овечкам, щипать травку на зеленых склонах забытых богом гор? Зовите же их сюда! У вас есть волшебная дудочка?

Госпожа Левитина откровенно веселилась, но, как ни странно, это не раздражало Фарида. Ему все больше нравилась эта женщина, ее манера говорить, шутить, хмурить брови. Казалось, глядя на нее, он узнавал что-то давно забытое…

– Мне становится не по себе рядом с вами, – серьезно сказал он. – И я не могу понять, почему,… Но я не привык сдаваться. Каждую загадку можно отгадать.

– Похвальное качество, – улыбнулась Анна Наумовна. – И редкое. Только, позволю себе заметить, не всякая разгадка приносит желаемое удовлетворение. Некоторые сундучки лучше оставить закрытыми.

– Хотите выпить? – спросил Фарид.

Он чувствовал нарастающее волнение и надеялся, что вино поможет с ним справиться.

– Пожалуй…

Она молча смотрела, как господин Гордеев, доставал бокалы, и наполнял их.

– За нашу встречу, – сказал он, легонько чокаясь. – Я не верю в случайности. А вы?

– Знаете, в чем преимущество женщин? – задумчиво произнесла гостья. – Они могут не снимать головного убора, не скрывать своего страха и оставлять вопрос без ответа.

– Тогда я рискну задать еще один. Почему вы даете мне эти деньги?

– Ах, деньги? Они здесь. – Анна Наумовна показала рукой на небольшую спортивную сумку, которая стояла в уголке у двери. – Я хочу, чтобы вы продолжали заниматься тем, что вам по душе. Мужчина-воин… Это не так часто встречается!

– И все же. Вы понимаете, что я вряд ли смогу вернуть вам долг?

– Долги! – усмехнулась она и повела плечами. – Может статься, это я их вам возвращаю… Все так запутанно!

Фарид испугался, что она сейчас встанет, улыбнется на прощание и уйдет…

– Вы будете жить в этой квартире? – спросил он, чтобы задержать ее хоть на минуту.

Но госпожа Левитина, похоже, не торопилась.

– Не знаю, – лениво ответила она, удобнее устраиваясь на стуле. – Я еще не решила. А теперь моя очередь задавать вопросы.

Фарид кивнул.

– Это справедливо. Я готов.

– Расскажите мне о себе. Почему вы уехали из Петербурга? Не любите городскую жизнь?

Гордеев пожал плечами.

– Если бы я знал! Так… потянуло вдруг на просторы. Здесь мне как будто не хватает чего-то… да и скучно! Мелководье…

– Что?

– Мелководье. – Фарид пояснил: – Настоящая океанская рыба уходит на глубину, в синюю бездну. Там ее стихия. Есть, где разгуляться… А мелкая вода привлекает мелкую рыбешку.

– Вы рыбак?

– Немного. Плавал на «Хабаровске» – это такое большое рыболовное судно. Охотился, лес сплавлял, одно время на приисках работал. Наверное, искал себя. Да так и не нашел! Гостем себя чувствую – тоскую по морю, по степным просторам… но нигде не могу обрести покоя. Странник я… Или заблудился. Теперь вот ищу дорогу, а спросить некого.

Анна молчала, ждала. Но Гордеев ушел в себя, замкнулся. Внутри него происходила какая-то борьба.

– А почему вернулись? – спросила госпожа Левитина.

Он махнул рукой. В раскрытое окно влетела оса и, жужжа, устремилась к фруктам в вазе.

– Глупо получилось. Повел себя, как это насекомое! На сладкое потянуло… Только человек не оса, с него спрос другой.

– Женщина? – догадалась Анна Наумовна. – Красивая?

– Как утренний рассвет, – мечтательно сказал Фарид. – Только не любил я ее. Спали вместе – это было. Но… оказывается, секс и любовь – разные вещи! Непонятная получилась история.

– Мне пора. – Госпожа Левитина легко встала и подошла к Фариду, коснулась губами его щеки. – Я была рада вас увидеть. Надеюсь, что смогла быть полезной. Думаю, мы еще встретимся. Хотя… лучше бы не надо.

Гордеев опомнился, когда уже хлопнула входная дверь.

«Я ее даже не проводил! – подумал он запоздало. – Столбняк на меня нашел, что ли? Застыл, как истукан. Вот черт! Неудобно…»

Его даже не радовали деньги, оставленные Анной Наумовной. То есть, это, конечно, хорошо, но… Фарид запутался в своих рассуждениях и загрустил. С горя выпил всю бутылку и сидел, следя глазами за летающей по комнате осой, пока в квартиру не ворвалась взволнованная Кора Танг.

– По какому случаю пьянка? – возмутилась она. – Что с тобой?

– Я оса… – сказал Гордеев, поднимая на нее мутные, больные глаза. – Ты понимаешь?

– Понимаю! – Она со злостью схватила со стола пустую бутылку и бросила ее в ведро. – Приходила эта… твоя благодетельница?

– Угу. – Фарид кивнул головой в сторону сумки. – Вон деньги.

Кора открыла молнию и ахнула. Никогда в жизни ей не приходилось видеть такое количество американской валюты.

– И что, это тебе за красивые глаза?

Гордеев молчал. У него болело сердце, ныло, как перед неизвестной опасностью.

– Чего молчишь? – еще больше разозлилась Кора. – Дар речи пропал от счастья?

– Р-разве ты не рада?

– Еще как рада! Особенно после того, что мне удалось узнать. Я-то, в отличие от тебя, не сидела на заднице и не тянула вино, а занималась делом.

– К-каким?

Фарид начинал медленно приходить в себя, глядя на взбешенную Кору.

– Ну, говори.

– Ты знаешь, кто эта твоя мадам Щедрость? Это жена Юрия Салахова! Слыхал о таком?

Фарид отрицательно покачал головой. Он действительно не знал никакого Салахова, но слова Коры о том, что Анна Наумовна чья-то жена, неожиданно отозвались тоскливым сожалением.

– Что за Салахов? Кто он такой?

– Денежный мешок – вот кто! Из новых русских. Квартиру эту он ей купил! Где его жена деньги взяла, по-твоему? У супруга позаимствовала. Интересно, она удосужилась его согласия спросить? Как ты думаешь?

С каждым словом Коры Фарид все больше трезвел. Ситуация выглядела не совсем благополучно. Более того, она могла обернуться крупными неприятностями.

– Ты это серьезно? – спросил он у Коры. – Не ошибаешься?

– Боже мой! Конечно же, нет! Я обратилась к профессионалу, он все и выяснил. В этой квартире раньше жили мать с дочерью. Потом дочь попала под машину… Ходили слухи, что здесь обитает нечистая сила. Ну, это ерунда и сплетни, разумеется, а вот то, что квартира долго не продавалась – чистая правда. И тут появляется милейшая Анна Наумовна и сходу ее покупает. Странно?

Фарид кивнул.

– Ты что, наняла детектива?

– Пришлось. Как бы я, по-твоему, так быстро все узнала? Жаль, дорого берет, парень. Буду дальше следить сама.

– Хорошо. Что ему еще удалось выяснить?

– Только то, что этот дом пользуется дурной славой. В той квартире, где живет профессор Рубен, женщину убили, бывшую хозяйку. Наверное, старик не знает об этом. А эта квартира, в которой ты спортзал устроил, вообще проклятая – так люди говорят. Недаром и новая хозяйка в ней почти не жила. Около года наведывалась, а потом – сам знаешь, уехала, и с концами!

– Глупости! Сколько мы тут с ребятами занимались, сколько раз они ночевать оставались – никогда никто не жаловался. Да я и сам ничего *такого* не замечал. А ты?

Кора подумала, накручивая на палец длинную прядь волос.

– Нет, – вынуждена была признать она. – Я тоже никаких чертей здесь не видела. Квартира как квартира.

– Ну вот! Мало ли, что люди болтают…

– Допустим. А как эта «меценатка» выглядит? Ты ее как следует рассмотрел? Она, оказывается, на двенадцать лет старше своего муженька. Представляешь? И как такие бабы их на себе женят! Отравы, что ли, какой в еду насыпают? А?

Фарид неопределенно хмыкнул. Анна Наумовна показалась ему довольно молодой женщиной. Сколько ей можно было дать? Лет тридцать от силы. Выходит, ее супругу восемнадцать? Когда же он успел бизнес наладить, капитал заработать?

– Сколько они женаты? – уточнил Гордеев.

– Говорят, лет десять.

– Не может быть! Левитиной самое большее – тридцать пять, и то с натяжкой. Она что же, за ребенка замуж выходила?

– Да, – вздохнула Кора. – Вижу, она и тебя охмурила. Каких тридцать пять? Опомнись, очарованный странник! Ей пятьдесят один год! Это точно. Мне сыщик сказал. Ошибки быть не может.

– Подожди, – опешил Фарид. – Я что-то не понимаю…

– Да что тут понимать?! – вспылила Кора. – У тебя из-за ее баксов все соображение отшибло! В упор видеть перестал!

– Может, она пластическую операцию делала за границей? Ей-богу, Кора, если бы ты ее видела…

– Ладно, не заливай! – грубо перебила его девушка. – Признайся, что ошалел от счастья, и пятидесятилетняя баба показалась тебе аленьким цветочком! Не каждый день такая халява прет. Так что можно тебя понять.

Гордеев молчал, обдумывая информацию и вспоминал лицо Анны. Он, конечно, особо не присматривался, но…

– Не может быть! – упрямо повторил он, чем окончательно вывел из себя Кору.

– Ты что, влюбился? – Ее голос срывался от злости, на щеках выступили красные пятна. – Или хочешь быть на содержании у этой старой карги? Думаешь, она будет решать все твои проблемы?

– Зачем ей это может быть нужно? – растерянно спросил Фарид то ли Кору, то ли самого себя. – Какой ей толк меня обманывать?

– А ты не догадываешься? Наивный… Да она хочет тебя! Увидела – и захотела. Чем ей еще заниматься? Ты и растаял, поверил, будто она интересуется боевыми искусствами! – Кора неестественно громко захохотала. – Ой, не могу! Держите меня! Глупенький маленький мальчик Фарид влюбился в тетеньку! Он будет целовать тетеньке пальчики, а тетенька купит ему за это мороженое!

– Прекрати! – Фарид схватил Кору за плечи и резко ее встряхнул. – У тебя истерика. Хотел бы я знать, из-за чего. Неужели ты ревнуешь?

– Почему ты ни разу не говорил мне о том, что любишь меня?

Вопрос поставил Гордеева в тупик. И правда, почему? Любил ли он Кору? Он ни разу не задумывался об этом, так же, как в своих отношениях с Йоко. Ему нравилась близость с ней, только и всего. Он вообще не думал о любви. Зачем? Разве им с Корой было плохо?

– Тебе плохо со мной? – спросил он в продолжение своих мыслей.

Она растерялась. То, что они любят друг друга, казалось само собой разумеющимся. Ей и в голову не приходило, что для него это может быть по-другому.

– Почему ты спрашиваешь? Это из-за нее?

– При чем тут Левитина? Ты можешь просто ответить, что тебя не устраивает?

– До сих пор, пока не появилась эта… – Кора заплакала. Слезы градом катились по ее смуглому лицу. – Пока ты не увидел ее…Ты даже не заметил, что ей пятьдесят!

Она зарыдала. Фарид рассеянно слушал ее бормотание вперемежку со всхлипываниями. Пожалуй, он не пытался узнать Кору поближе, не хотел. Его устраивало то, что было между ними, и ничего большего он не желал.

ГЛАВА 9

– Папа! А Марта хочет косточку проглотить! – запыхавшись от быстрого бега, радостно сообщил Марк.

– Какую косточку? – не сразу сообразил Артем, который брился в ванной, одновременно размышляя, что ему сегодня предстоит сделать.

– Абрикосовую! – еще радостнее пояснил Марк, прыгая на одной ноге.

– Так что же ты стоишь? – возмутился Артем. – Беги и отбери у нее!

Мальчик с готовностью кинулся в детскую, где на маленьком хохломском столике Динара оставила детям тарелку абрикосов. Марта, вся перемазанная оранжевой мякотью, разламывала очередной фрукт. Ее щеки подозрительно оттопыривались, из чего можно было заключить, что во рту Марты уже не одна косточка, а две.

– Выплюнь! Выплюнь сейчас же! – без особого успеха убеждал сестренку Марк.

Вошедший в детскую Артем застал уже другую картину. Мальчик довольно бесцеремонно залез рукой в рот Марты и вытащил сначала одну косточку, а потом другую. Она привыкла к подобному обращению и не особо протестовала.

– Идите к маме! – скомандовал Артем. – Она даст вам творожной запеканки.

Дети наперегонки бросились по коридору на кухню, откуда плыли восхитительные запахи корицы и ванили. Близнецы обожали сладкое, и предлагать им на завтрак что-то другое просто не имело смысла. Зоя Петровна постоянно ворчала по этому поводу, взывая к совести «бесхарактерных родителей», которые идут на поводу у детей и кормят их чем попало, вместо того, чтобы организовать здоровое питание. Артем и Динара привыкли к недовольству няньки и не обращали на это внимания. Слава богу, близнецы выздоровели, и теперь с ними можно было целые дни гулять. На улице они вели себя гораздо приличнее, чем дома.

– Опять сладкое! – возмутилась Зоя Петровна, переступая порог квартиры и учуяв аромат запеканки. – Наказанье мне с вами! Диатеза еще только не хватало.

Но никакого диатеза у близнецов сроду не было, несмотря на огромное количество поедаемых пирожных, тортиков, вафель, халвы и конфет. Они отличались отменным здоровьем, если не считать обычных детских инфекций, да и те Марк и Марта подхватывали редко. В основном, они носились, как два неутомимых маленьких мустанга, и придумывали себе развлечения, одно изобретательнее другого.

Артем и Динара с облегчением вздохнули, передав детей на попечение Зои Петровны, и засобирались на работу.

– Посмотри, – сказал Артем, показывая жене небольшую любительскую фотографию.

Молодая женщина стояла между обломков античных колонн на фоне синего моря и такого же синего неба. Полупрозрачное светлое платье обвивало ее ноги, она придерживала рукой соломенную шляпку, которую ветер старался сорвать с ее головы.

Динара мельком глянула на снимок.

– Ничего дамочка… Кто это?

– Объект наблюдения, – коротко ответил Артем. – Муж хочет узнать подробности частной жизни своей супруги.

– Дай-ка сюда. – Динара взяла снимок в руки и начала пристально его разглядывать. – Тут едва можно различить лицо. Получше у любопытного мужа ничего не нашлось?

– Нет. Он объяснил, что жена не любит фотографироваться.

Динара удивленно фыркнула.

– При современных технических средствах на это не надо спрашивать разрешения!

– Согласен. Но господин Салахов панически боится, что супруга может догадаться… Он велел мне быть крайне осторожным и деликатным. И выразил готовность удвоить тариф, только бы слежка не была замечена.

– Как ты сказал? – переспросила Динара. – Господин Салахов?! Ну-ка, дай сюда фотографию!

Она впилась глазами в лицо женщины на снимке.

– Узнаешь? – спросил Артем.

– Это же… наша соседка! Та, что купила квартиру Альшванга. Она что, жена Салахова? Того самого?

– Если под «тем самым» ты подразумеваешь известного бизнесмена, то да.

– Странно… – Динара не могла оторваться от фотографии. – Неужели это все-таки она? Такая молодая… Это что, давнишний снимок?

– Салахов сказал, что позапрошлогодний. Более позднего нет.

– Да? – удивилась Динара. – Впрочем, резкость плохая, и свет неудачно падает, так что… Все равно, странно!

– Что ты о ней знаешь?

– Почти ничего, как и все соседи. Я даже забыла, что она вышла замуж за Салахова. Столько лет прошло. Сейчас в ее квартире Фарид устроил спортзал.

– А кто ему разрешил?

– Думаю, он сделал это самовольно. Квартира долго стояла пустая, никто ею не интересовался, вот он и рискнул. Незаконно, конечно.

Динара отдала снимок мужу.

– Где мой галстук? – спросил Артем, роясь в шкафу.

– Посмотри в детской, – рассеянно ответила Динара.

Она была поглощена мыслями о супруге Салахова. Каким образом судьба собирает людей вместе, сталкивает их друг с другом или разъединяет?

– Ты только полюбуйся! – ворвался в гостиную Артем. – Они сделали из галстука уздечку для своей лошади!

– Артем, – Динара серьезно смотрела на мужа. – Господин Салахов хочет, чтобы ты проследил за его женой?

– Именно так. И готов хорошо заплатить!

– Мы сможем обойтись без этих денег?

Артем был раздражен из-за испорченного галстука и не сразу понял, куда клонит жена.

– Сможем. А в чем, собственно, дело? Работа обычная – выяснить подробности из жизни женщины. Она не киллер, не политик, не знаменитость и не криминальный авторитет. Что тебя беспокоит?

– Артем, я очень редко вмешиваюсь в твои дела. Правда?

– Правда.

– И очень редко настаиваю, чтобы ты сделал по-моему. Правда?

– И это правда. Что…

– Выслушай! – перебила его Динара. – Я не хочу, чтобы ты занимался этим!

– Чем?

– Следил за этой дамой.

– Ты что, ревнуешь?

Артем улыбнулся и попытался поцеловать жену, но она уклонилась.

– Не говори глупостей! – рассердилась она. – Я не шучу! Эта женщина… тебе не нужно связываться с ней. Вообще никак! Понимаешь?

– Стараюсь…

Артем снова сделал попытку обнять Динару, и снова она выскользнула из его рук. Похоже, ревность вспыхнула, как вулкан. Цыганская кровь! Лучше не дразнить ее. Придется сделать вид, что послушался, решил Артем. Иначе не миновать семейного скандала.

– Я все понял, дорогая, – дурашливо поднимая руки кверху, сказал он. – Сдаюсь, сдаюсь. В конце концов, слежка – давно не мое амплуа. Это скучно.

– Дай мне слово, что не будешь вмешиваться в жизнь этой дамы ни под каким предлогом! – сверкая глазами, потребовала Динара.

Здорово ее проняло! Ишь, глаза горят, как у пантеры! Бешеный темперамент супруги приводил Пономарева в умиление.

На работу они ехали молча.

– У тебя есть сигареты? – спросила Динара уже в офисе.

– Для тебя, любовь моя, – все, что угодно! – поклонился Артем, подавая ей пачку «Давидофф».

– Что ты сейчас будешь делать?

– Сначала почитаю кое-какую писанину… потом поеду, поговорю с Сашей Мерцаловым. Давно не виделись. Закуришь?

Она покачала головой, отказываясь от зажигалки, заботливо поднесенной супругом.

– Покурю у себя в кабинете, в тишине. Хочу подумать…

– Тоже правильно, – неопределенно хмыкнул Артем, скрываясь за своей дверью. – И мне есть над чем подумать.

Он велел секретарше никого к нему не впускать, закрылся и достал из сейфа записки маньяка. Прежде чем углубиться в темные лабиринты чужих размышлений, Пономарев завел маленький будильничек, который должен был позвонить ровно через час. Уже десять утра, а на полдвенадцатого у него назначена встреча с Мерцаловым.

...С того незабываемого момента, который перевернул мою жизнь, я потерял интерес к живым женщинам. Противные, жеманные притворы или злобные ведьмы – вот кем они стали для меня. Только мертвые они становятся настоящими, такими, какими должны были быть по замыслу Божьему – покорными, нежными и безмолвными. Никаких лишних жестов, никаких ненужных разговоров – только полное, безоговорочное послушание. А какими они делаются красивыми, спокойными, безмятежными. Им ничего больше не надо, кроме любви – ни денег, ни славы, ни детей, ничего, что могло бы стать для них важнее меня, из-за чего они могли бы изменить мне. Предательство – вот что заключено в самой сердцевинке, которую мы называем женским существом. Оно, это предательство, незаметно зреет, готовое свершиться в любую минуту! Но мертвая женщина лишена и этого, – она уже не предаст, не изменит. Она моя и только моя.

Странно, что моя страсть так долго не проявлялась в полную силу. Она как будто заснула после первой брачной ночи с Принцессой в темном и холодном морге… Я вел обычную жизнь, неотличимую от жизни сотен, тысяч моих сверстников. Я ходил на работу, гулял, иногда посещал вечеринки, на которых невыносимо скучал. По вечерам я зубрил предметы, которые предстояло сдавать в институт. Я был необыкновенно положительным молодым человеком, без вредных привычек, как это принято говорить. К алкоголю и сигаретам равнодушен, к наркотикам тем более. Разгульная жизнь меня не привлекала. Женщины! У меня к ним особая, ни на что не похожая любовь, чистая, как у Грэя, который приплыл к Ассоль на алых парусах…

Отец с матерью еще не знали, что я уже отказался от карьеры медика. Я решил не расстраивать их раньше времени. Почему профессия врача перестала меня привлекать? Затрудняюсь ответить. Может быть, потому, что медицина не приветствует смерть и даже некоторым образом пытается с ней бороться. А у меня свое отношение к Смерти.

Она – моя союзница, наперсница моей любви. Я не могу действовать против нее. Она – волшебница, превращающая подделку в истинную драгоценность.

Итак, через год я объявил, что хочу получить техническое образование. Надо отдать должное моим родителям – они с честью выдержали удар. Мама робко заикнулась о факультете журналистики, а отец грозно молчал целую неделю, делая вид, что не замечает меня. В конце концов, они оттаяли. Я, как мог, объяснил им, почему изменил свои планы. Сказал, что желаю быть на переднем крае строительства прекрасного будущего, и они меня поняли.

Я поступил в институт и стал примерным студентом – активистом, отличником и неизменным участником стройотрядов. Погружаясь в учебу или работу, я забывал о своей тоске, о любви к несуществующей Принцессе. Безделье сводило меня с ума, и я превратился в трудоголика. После института отец помог мне устроиться на работу, а мама начала регулярно заводить разговоры о женитьбе. Я так глубоко запрятал свои чувства к женщинам, что и слышать об этом не хотел. Но потом все же решился на брак с милой, тихой девушкой. Вопреки терзавшим меня опасениям, семейная жизнь потекла обыкновенно, как у всех. Близость с женой волновала меня не больше, чем прогноз погоды, но я честно исполнял супружеские обязанности.

Отец мой к тому времени скончался – он, как и я, был фанатиком своей работы и отдал ей все. Мама переехала в Москву, где у нее оставались родственники; столичную квартиру разменяли на однокомнатную в Москве для мамы и квартирку для нас, в Ленинграде.

Новая квартира в старинном петербургском доме поначалу принесла много радости. Но потом жена моя, женщина добрая и покладистая, начала невероятно раздражать меня. Между нами то и дело возникали мелкие стычки, перераставшие в ссоры. По ночам я видел в снах Принцессу и уже не мог отделаться от желания снова пережить то незабываемое ощущение, тот неповторимый экстаз! Кафель стен и холод возбуждали меня, вызывая в памяти помещение морга и наслаждение, пережитое тогда. Я страдал от невыносимого напряжения, которое должно было разрешиться, любой ценой. Это стало сильнее меня. С утра до вечера я был поглощен тем, что жадно искал женщину, которая могла бы подарить мне то, о чем я мечтал.

Веронику Лебедеву я увидел на концерте, куда меня потащила жена, – и с тех пор потерял покой. Я стал ходить на все спектакли с ее участием. Я пожирал ее глазами, а по ночам писал стихи, посвященные ей. Я не мог думать ни о чем, кроме нее.

Конечно, не имело смысла ухаживать за такой красавицей, как Лебедева. Она актриса – не только на сцене, но и в жизни. Я уже знал, что это такое. Только мертвая, она полюбила бы меня. И все же я сделал попытку… бесплодную, как и когда-то с моей Принцессой. Я дождался Веронику после выступления, чтобы передать ей букет, в который была вложена моя поэма о любви. Она, не глядя, взяла букет из моих рук, как и букеты других поклонников, небрежно кивнула и торопливо пошла к машине. По дороге листок со стихами выпал, госпожа Лебедева наступила на него, садясь в ожидающее ее такси, и уехала.

Когда все разошлись, я поднял из лужи свою поэму и порвал ее на мелкие клочки. Разбрасывая обрывки, я начал придумывать способ, как можно лишить женщину жизни без нанесения ущерба ее красоте. Работа в морге не прошла для меня даром, и скоро способ был найден. Дома я не мог заниматься изготовлением орудия убийства – моя жена, любопытная, как ворона, всюду совала свой нос и могла заподозрить неладное; пришлось делать это на работе.

Итак, я взял самую толстую иглу, которую смог раздобыть, прочно припаял ее к наперстку – и мое оружие было готово. С виду оно напоминало огромную булавку, которую я мог прятать за подкладкой или во внутреннем кармане пиджака. В нужный момент

наперсток легко надевался на указательный палец. Чтобы не вышло осечки, я долго тренировался, нанося удары этой иглой. Наконец, я приобрел необходимый навык.

Теперь мне нужно было следить за Вероникой Лебедевой, узнать ее адрес, потому что наша брачная ночь должна состояться в ее собственной спальне. Именно там все и произойдет!..

Пронзительный звонок будильничка вывел Артема из мрачных скитаний по миру убийцы. Через полчаса он должен быть у Мерцалова.

Динара говорила с клиентами, и Артем не стал отвлекать ее. Он вышел и направился к автомобилю, припаркованному в закрытом дворике позади офиса. Стоял теплый летний день. Тополя шелестели серебристой от пыли листвой.

Господин Пономарев медленно выехал на проспект и встроился в поток машин. Ему удалось добраться до конторы Мерцалова быстрее, чем он ожидал.

Адвокат обретался там же, где и десять лет назад, только интерьер его приемной и кабинета стал гораздо шикарнее. Стекло и дерево, гобелены на стенах, мебель оригинального дизайна ласкали глаз.

– Тема! – радушно приветствовал Пономарева господин Мерцалов. – Страшно рад тебя видеть! Пошли, выпьем по поводу встречи. Я приготовил пиво и креветок. Видишь, я помню твои вкусы.

Александр Ильич облысел, раздобрел, его движения приобрели достоинство и плавность. Мужчины расположились в кабинете, где на столе стояло пиво, креветки, нарезанная тонкими кусочками семга, сыр и оливки.

– Я вообще-то по делу, Саша, – сказал Артем. – Но сначала отдам должное угощению. Ты все такой же гурман.

– Одна из радостей жизни! – добродушно захохотал Мерцалов. – Водки мне теперь нельзя… так что приходится довольствоваться малым.

– Чего вдруг?

– Язва, давление… – вздохнул адвокат. – Это все работа! Сплошные нервы. Ну, давай.

Он сразу выпил половину огромного запотевшего стакана.

– Теперь можно и о деле.

– Ты Салахова давно знаешь? – спросил Артем.

– Я так и думал, – отправляя в рот кусочек семги, сказал Мерцалов. – Тебя что-то настораживает? Плохой клиент?

– Не в том дело… Извини, но почему ты сам не взялся помочь ему?

– У него специфическая просьба, связанная с сыском, наружным наблюдением, как я понял. Это не мое. Я адвокат, моя область – право.

– Но у тебя же есть люди…

– Брось! – Мерцалов махнул пухлой рукой. – Какие это специалисты? Так… мальчики на подхвате. А ты – профессионал. Не буду же я рекомендовать уважаемому человеку кого попало? Я должен блюсти репутацию! Юрий Арсеньевич оч-чень серьезный мужчина, с ним шутки плохи.

– Что же он со своей женой разобраться не может?

– У каждого свои слабости, мой друг! – назидательно произнес Мерцалов. – Женщины… они, брат, существа из иного мира. Нам с ними бывает ох как непросто!

Только сейчас Артем заметил на толстом пальце адвоката обручальное кольцо.

– Саша! Ты женился?!

Мерцалов откинулся на спинку кресла всем своим тучным телом и мечтательно закатил глаза.

– Представь себе, Тема! Рискнул на старости лет… Сколько можно одному куковать?

– Никитского помнишь? – как бы между прочим, спросил Артем и заметил, как адвокат сразу напрягся.

– Как не помнить? А почему интересуешься?

Артем молча пил пиво, пока Мерцалов терялся в догадках.

– Понимаю, – наконец выдавил хозяин кабинета. – Тайна клиента. Значит, опять что-то вытворил милейший Дмитрий Сергеевич?

– Да нет… Просто захотелось поговорить о старых знакомых.

– Никитский! – фыркнул адвокат. – Вечно вокруг него неприятности. Причем смолоду! Помнишь, его подозревали в убийстве Авроры?

Артем кивнул.

– Так вот. Это с ним не впервые! Будучи студентом, Дима встречался с одной девушкой… а потом ее убили.

– Что? Кто? – удивился Пономарев. Такого поворота он не ожидал. – Убийцу нашли?

– Нет… Кажется, это была групповуха… Девушку изнасиловали и убили. Произошло все поздно вечером или ночью. Куда она шла и как попала на окраину города, я уже не помню. Но… Диму тогда долго таскали в милицию… Доказать ничего не смогли. Экспертиза показала, что нападавших было несколько, и от Никитского отстали. Он был примерным студентом, с плохими компаниями не водился… в общем, его оставили в покое. Все поверили, что он ни при чем. Кроме меня…

– Почему?

– Видишь ли… эта девушка была подругой моей первой жены, Насти. Знаешь, как девчонки дружат – никаких секретов друг от друга. Вот Настя мне как-то и призналась, что ее подруга боялась Димы. Будто бы он хотел ее убить. Бред, конечно! Никто тогда не придал этому значения. Я сам вспомнил об этом только когда погибла Аврора, и мы с Димой оба оказались под подозрением. Мне сразу пришло в голову, что это он убил Городецкую. Признаюсь, ошибся. Ведь убийства прекратились! Значит, маньяк либо умер, либо уехал. А Никитский продолжает жить в Питере, на той же улице, руководит той же фирмой.

– Да, странно…

– А что, опять всплыла эта старая история? Кого-то убили?

– Пока нет.

– Ф-фу… как ты меня напугал, – вытирая салфеткой пот со лба, сказал Мерцалов.

– Саша, а почему ты тогда мне не рассказал всего?

Мерцалов вскочил с кресла и начал шагать по кабинету из угла в угол, размахивая руками и тяжело отдуваясь.

– Я же адвокат, Тема! И прекрасно понимал, как такие показания могут отразиться на следствии. Ведь тогда вина Никитского не была доказана. Девушку убивала группа! Зачем было ворошить прошлое?

Артем вышел от Мерцалова с тяжелым сердцем. Тени давно забытых событий омрачали и без того неяркое петербургское лето…

«Нужно снова заняться Никитским, – решил Артем уже в машине, возвращаясь на работу. – Галина Павловна, моя клиентка, – сотрудница его фирмы».

ГЛАВА 10

Корреспонденцию, адресованную лично шефу, никто не имел права просматривать. Любочка запомнила это еще с первых дней работы. Все без исключения сотрудники знали, что Салаховы разгильдяйства и халатности не потерпят. Поэтому Любочка отнесла полученное вчера вечером письмо на стол Юрию Арсеньевичу и положила его на видное место.

Она пребывала в некоторой растерянности по поводу шефа. Радостная надежда, загоревшаяся в ней после того, как Юрий пригласил ее поужинать вместе, медленно угасала. Они поехали в ресторан гранд-отеля «Европа». Элегантная роскошь ресторана действовала на Любочку подавляюще.

Метрдотель проводил их к изящно сервированному столику в углу зала. Господин Салахов отчего-то чувствовал себя скованно. Он сделал заказ, рассеянно глядя по сторонам, забыв предоставить выбор блюд даме. Любочка сидела ни жива ни мертва, замирая от предвкушения того, чем может закончиться для нее этот вечер. В такие шикарные заведения женщину просто так, от скуки, не приглашают.

– Здесь бывали Билл Клинтон и принц Чарльз, – сказал Юрий.

Он понимал, что по правилам хорошего тона должен поддерживать светскую беседу, развлекать даму, но ничего путного, как назло, не приходило на ум. Любочкины огромные глаза, наполненные ожиданием, начали раздражать его. Чего она уставилась?

– Выпьем?

Она послушно кивнула, не спуская с него глаз. Ее пальцы с безукоризненным маникюром мелко дрожали.

«Что за черт? – подумал Юрий. – Зачем я здесь, с этой чужой, ненужной мне женщиной? Я не могу дать ей то, чего она ждет от меня. Почему она такая испуганная? Анна другая – она везде умеет чувствовать себя хозяйкой… Она могла бы прийти в этот ресторан без прически и в дырявом платье, но каждый официант безошибочно распознал бы в ней королеву и счел бы за честь служить ей. А эта…»

Он, скрывая брезгливую гримасу, окинул Любочку взглядом. Вырядилась, как на подиум! Небось, и в парикмахерскую сбегала. Под платьем в обтяжку у нее кружевное французское белье… Это обязательно. А в сумочке, наверняка, презервативы со вкусом банана. Боже, как глупо! Какая пустота!

Свело скулы от невыносимого желания встать и уйти, не прощаясь, не оглядываясь.

– Когда-то я видел здесь Катрин Денев, – сказал Юрий, изо всех сил стараясь не выйти из роли кавалера.

– Она уже такая старая… – Любочка кокетливо повела накрашенными глазками. – Какая она вблизи?

– Потрясающе, ослепительно прекрасная! – с искренним восхищением ответил господин Салахов. – Каждая ее морщинка – это поэма о затаенной страсти и обещании любви… Она великолепна!

– В ее возрасте? – удивилась Любочка.

– У истинной женственности нет возраста…

– Говорят, у нее веснушки, – секретарша продолжала демонстрировать свое ничем не омраченное невежество.

«Как она вдохновенно, девственно глупа! – подумал Юрий. – Даже смеяться не хочется. Как такой динозавр выжил среди всей нашей духовной культуры, умудрившись не почерпнуть из нее ни капли? Пустышка в красивой обертке… Но почему я сижу с ней за одним столиком, разговариваю?»

– Потанцуем? – предложил он, чтобы хоть чем-то заполнить время.

Любочка с готовностью вскочила, не дожидаясь, пока он отодвинет ее стул. Она вся дрожала от возбуждения. Медленные звуки танго напомнили Юрию, как он десять лет назад танцевал с Анной… волнуясь, как перед прыжком в небытие… Эти минуты упоения остались в памяти такими же острыми, незабываемо трепетными. Ни годы, ни привычка оказались не властны над ними. Впрочем, разве он привык к Анне? Его отношение к ней можно назвать как угодно, но только не привычкой…

– А во что она была одета? – спросила Любочка.

Юрия словно окатили ведром холодной воды, вырвав из мира сладких грез…

– Кто?

Он думал об Анне, представляя ее лиловое платье, фиалки в надушенных волосах.

– Ну, Катрин Денев!

– Какое это имеет значение?

– Интересно.

– Точно не помню, – буркнул Юрий. – Кажется, в черное платье.

– А драгоценности на ней были?

– Нет. Ничего – только длинное черное платье.

Любочка была разочарована. Эти знаменитости – самые обычные люди. Чего вокруг них столько шумихи?

Юрий догадался, о чем она думает. Ему захотелось возразить.

– Катрин Денев – сама редкая жемчужина, и любое украшение блекнет перед ее сверкающей красотой. Такие женщины не нуждаются ни в каких оправах.

Любочка смотрела на него с наивным недоумением.

«Она ничего не понимает, – думал господин Салахов, обнимая в танце ее горячее тело. – Одежда и внешность! Вот ее идолы. Наверное, решила, что я умираю от желания переспать с ней, затем и пригласил сюда. Что-то вроде предоплаты. Фу, как нелепо вышло!»

Танец кончился, и Юрий проводил Любочку к столику. Говорить было не о чем, поэтому после десерта господин Салахов предложил проехаться по городу. Дама с радостью согласилась.

«Наконец-то! – замирая от восторга, думала Любочка. – Наступает миг, о котором я мечтала все эти годы!»

По дороге Юрий подал знак водителю остановиться и вышел. Вернувшись с букетом роз, он преподнес цветы секретарше. Надо же как-то сгладить ситуацию! Женщина ждет, что они сейчас поедут в гостиницу, закроются в номере, и…

Словом, надеждам Любочки не суждено было сбыться, во всяком случае, в этот вечер. Юрий Арсеньевич проводил ее домой, поблагодарил за приятно проведенное время и уехал. Она не спала всю ночь, теряясь в догадках, чем не угодила господину Салахову. Слезы текли ручьями. Ну что за невезение? Ведь все так замечательно складывалось – пригласил на ужин, повез в «Европу», подарил обалденные розы и… все! Как это объяснить?

Под утро Любочке удалось уговорить себя, что Юрий Арсеньевич не кобель какой-нибудь, а приличный, интеллигентный мужчина, и тащить даму в постель после первого же свидания ему не пристало. У них все еще впереди – и признания, и прогулки при луне, и поцелуи, и секс…

Но господин Салахов как будто забыл о проведенном вместе вечере, и не то что не ухаживал, а как бы даже избегал Любочки. Она кусала напомаженные губки и сдерживала готовые вот-вот хлынуть слезы.

Юрий Арсеньевич действительно старался как можно меньше общаться с секретаршей, испытывая некоторую неловкость. Он и сам не понимал, что за порыв заставил его провести вечер с Любочкой. Не иначе, черт попутал!

Вот и сегодня он норовил побыстрее миновать приемную и закрыться в кабинете. Но Любочка поднялась ему навстречу, вышла из-за стола и, понизив голос, сообщила:

– Вам пришло письмо, Юрий Арсеньевич.

– Давайте! – коротко бросил он, изображая крайнюю занятость.

– А… я его вам на стол положила…

Любочка стремилась хоть чем-то привлечь его внимание и исключительно из этих соображений сказала о письме. Было обидно, что шеф держится так отчужденно. Главное, непонятно, в чем дело! Может, его «акула» что-нибудь пронюхала и устроила скандал? И такую возможность не стоит сбрасывать со счета.

– Спасибо… – пробормотал Салахов и скрылся в своем кабинете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.